

Дж. Р. Р. Толкин

СИЛЬМАРИЛЛИОН

Иллюстрации Дениса Гордеева

Легендариум Средиземья

Джон Толкин

Сильмариллион

«АСТ»

1977

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Сильмариллион / Д. Р. Толкин — «АСТ», 1977 — (Легендариум Средиземья)

ISBN 978-5-17-083893-6

История Первых Эпох Средиземья, великой войны между Светом и Тьмой и Колец Всевластия, чей путь по Средиземью только начинается... Предыстория легендарной трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» в классическом переводе Натальи Григорьевой и Владимира Грушецкого, с новыми иллюстрациями Дениса Гордеева, нарисованными специально для этого издания.

УДК 821.111-313.2

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-083893-6

© Толкин Д. Р., 1977

© АСТ, 1977

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Айнулиндалэ	8
Валаквэнта	14
Валары	15
Майа	18
Враги	19
Квэнта Сильмариллион	20
Глава I	20
Глава II	27
Глава III	31
Глава IV	37
Глава V	38
Глава VI	43
Глава VII	46
Глава VIII	51
Глава IX	54
Глава X	64
Глава XI	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Предисловие к первому изданию

«Сильмариллион», впервые опубликованный четыре года спустя после смерти моего отца, – это повествование о Древнейших Днях, или Первой Эпохе Мира. Во «Властелине Колец» рассказано о великих событиях конца Третьей Эпохи; «Сильмариллион» составляют легенды гораздо более древние, относящиеся ко временам, когда Моргот, первый Темный Властелин, обитал в Среднеземье, а Высокие Эльфы вели с ним войны за обладание Сильмариллами.

Но «Сильмариллион» – это не только предыстория событий, описанных во «Властелине Колец», но и одна из первых литературных работ Толкина. «Сильмариллион» существовал еще полстолетия назад, хотя и назывался тогда по-другому. В потрепанных тетрадях, относящихся к 1917 году, еще можно разобрать карандашные наброски ранних версий основных легенд. Книга никогда не публиковалась, но в течение всей долгой жизни отец не прекращал работу над ней, даже в последние годы. За все это время основа «Сильмариллиона» почти не менялась; она-то и послужила фоном для многих других, более поздних сочинений. Но окончательная редакция никак не могла родиться. Менялось многое: менялись даже некоторые фундаментальные идеи, связанные с естественными законами описываемого мира, не говоря уже об одних и тех же легендах, становившихся то длиннее, то короче, менялись стили и ритмы изложения. Годы шли, изменения и варианты накапливались, и наконец повествование настолько усложнилось и запуталось, что окончательная версия стала казаться недостижимой. Кроме того, старые предания («старые» не только из-за принадлежности к Первой Эпохе, но и по времени жизни моего отца) стали средством выражения и сокровищницей его глубоких раздумий, мифология и поэзия отступили в них перед теологическими и философскими заботами; отсюда некоторая разностильность книги.

После смерти отца я попытался привести эту книгу к приемлемому для публикации виду. Мне стало ясно, что попытки представить под одной обложкой столь разнообразный материал, т. е. показать «Сильмариллион» как живое эволюционирующее повествование, растянутое более чем на полвека, на деле приведут лишь к полной неразберихе и погребут под собой самое существенное из содержания. Поэтому я стремился выработать единый вариант текста, отбирая и размещая материал таким образом, чтобы получить однородную и внутренне непротиворечивую структуру. В этой работе заключительные главы (от смерти Турина Турамбара) представляли особые трудности, т. к. оставались неизменными в течение многих лет и не очень-то соответствовали другим, более поздним частям книги.

Полная согласованность (будь то внутри «Сильмариллиона» или между ним и другими опубликованными работами моего отца) так и не достигнута, и если она достижима вообще, то лишь весьма дорогой ценой. Кроме того, отец рассматривал «Сильмариллион» как сборник или конспект-повествование, составленное много позже из самых разных источников (стихов, летописей, устных рассказов), отобранных многовековой традицией. Такая концепция имеет параллель в действительной истории книги, ибо в основе ее лежит огромное множество фрагментов ранней прозы и стихов. В какой-то мере это действительно конспект. Этим можно объяснить различный ритм повествования и полноту деталей в разных главах, например, контраст между точным указанием мест и мотивов в легенде о Турине Турамбаре и возвышенным, но предельно лаконичным отчетом о конце Первой Эпохи, когда был разрушен Тангородрим и низвергнут Моргот, отсюда же некоторые различия в стиле и описаниях, некоторые неясности и неувязки. В случае с «Валаквэнтай», например, мы полагаем, что описание ранних дней жизни Эльдаров в Валиноре передельвалось в более позднее время; этим объясняется постоянное смещение хронологии и точки зрения, так что божественные силы видятся то ныне существующими и действующими в Мирах, то давно исчезнувшими, оставшимися лишь в памяти.

Книга, озаглавленная «Сильмариллион», содержит не только «Квэнта Сильмариллион» или собственно «Сильмариллион», но и еще четыре коротких работы: «Айнулиндалэ» и «Валаквэнта» связаны с «Сильмариллионом» и предворяют его, а «Падение Нуменора» и «О Кольцах Власти», помещенные, в конце, совершенно самостоятельны и независимы, и включены соответственно с ясным и четким намерением моего отца; с их включением история обретает непрерывность от Музыка Айнуров, с которой начался Мир, до отплытия Хранителей из Серебристой Гавани в конце Третьей Эпохи.

Число имен, появляющихся в книге, огромно, но действующих лиц (людей и эльфов), играющих важную роль в повествовании о Первой Эпохе, существенно меньше, и все они могут быть найдены в генеалогических таблицах. В дополнение я привел схему, показывающую основные названия различных эльфийских народов, заметки о произношении эльфийских имен, перечень некоторых основных корней, встречающихся в этих именах, и карту. Надо заметить что огромная горная цепь на востоке – Эред Луин или Эред Линдон, Синие Горы, – появляется на крайнем западе карты «Властелина Колец». Внутри книги есть карта поменьше, ее цель – дать представление о том, как располагались земли Эльфов после возвращения Нолдоров в Среднеземье.

Больше я не обременял книгу никакими дополнениями и комментариями. Существует множество неопубликованных работ моего отца о Трех Эпохах: повествовательные, лингвистические, исторические и философские, и я надеюсь, что часть из них удастся опубликовать.

В трудной задаче подготовки текста книги мне много помогал Гай Кей, работавший со мной в 1974 – 1975 годах.

Кристофер Толкин, 1977

Айнулиндалэ *Музыка Айнуров*

В начале был Эру, Единый. На Арде зовется Он – Илуватар.

Первыми создал Он Айнуров, Священных. Они стали плодом Его дум и были с Ним раньше всех творений. Эру говорил с ними. Он предлагал им музыкальные темы, они воплощали их, и это было хорошо. Айнуры пели поочередно, лишь изредка – дуэтом или трио, остальные слушали поющих, но в музыке каждый понимал лишь ту часть замысла Илуватара, для которой он был рожден, а музыка братьев мало что говорила другим Айнурам. Но постепенно понимание росло, а вместе с ним росли единство и гармония.

И пришло время, когда Илуватар созвал Айнуров и задал им тему, величием превосходившую прежние. Красота вступления и великолепие финала восхитили Айнуров, и в восторженном благоговении склонились они пред Илуватаром.

И тогда Он сказал:

– Я создал вас от Вечного Пламени, Я дал вам тему и хочу, чтобы в гармонии и единстве претворили вы ее в Великую Музыку. Нет предела совершенству, и Я с радостью буду внимать вашим песням.

И тогда, по слову Его, голоса Айнуров: голоса-арфы и голоса-лютни, голоса-свирилы и голоса-трубы, виолы, органы и многоголосые хоры – начали обращать тему Илуватара в Великую Музыку. Звук непрестанно чередующихся, дивно гармоничных мелодий взлетал и падал; чертоги Илуватара наполнились им, и Музыка выплеснулась наружу, в Ничто, обратив его в Нечто. Подобной Музыки не создавали доселе Айнуры, и только после Конца Дней предначертано создание лучшей. Исполнить ее пред Илуватаром предстоит двум хорам: хору Айнуров и хору Детей Илуватара. Только тогда станет возможным полное воплощение замысла Единого, только тогда Музыка обретет Бытие, только тогда каждый, наконец, постигнет цель своей жизни и поймет ближнего своего и дальнего, и только тогда вдохнет Илуватар тайный огонь в их помыслы, ибо только тогда Он будет удовлетворен.

А сейчас сидел Илуватар и слушал, и Ему нравилась эта Музыка без единой ноты фальши. Тема ширилась, развивалась, но тут Мелькор захотел ввести в мелодию звуки собственных дум, противных теме Илуватара, потому что возжелал он возвысить силу и славу назначенной ему партии надо всеми.

Более других Айнуров одарен был Мелькор могуществом и знанием, и во всех дарах братьев своих имел он долю. Часто отправлялся он один в Ничто, надеясь найти Вечное Пламя и самому стать творцом. Нетерпелив и честолюбив был Мелькор и считал, что напрасно мешкает Илуватар обращать великое Ничто в Нечто. Вечного Пламени он не нашел – только Илуватар владел им. Но в долгих одиноких поисках думы Мелькора приняли строй, отличный от дум его братьев, и теперь он вплетал эти думы в свою партию. Тотчас же в стройном звучании возник диссонанс. Певшие рядом с ним Айнуры смутились, голоса одних начали

стихать, другие не смогли преодолеть силы Мелькора и стали вторить его музыке. Она же, окрепнув, подчинила все другие мелодии шквалу своих бурлящих звуков.

Недвижно сидел Илуватар, вслушиваясь в это новое звучание. Казалось, трон Его стоит в центре неистовой бури, а вокруг сшибаются яростные темные волны. Видели Айнуры, как, улыбаясь, встал Илуватар и воздел левую длань. Тотчас посреди гремящих звуков начала зарождаться и крепнуть новая тема, одновременно и похожая, и отличная от предыдущей, но красотой звучания превосходящая прежнюю. Снова взметнулся диссонанс Мелькора, вступил с нею в спор, и снова нахлынула волна звуков, ярилась и клокотала, пока голоса Айнуров не потонули в ней и не смолкли, оставив лишь тему Мелькора.

Снова встал Илуватар, но теперь не улыбался он больше. Поднялась правая рука Единого, и вот родилась среди смятения третья тема, не похожая на предыдущие. Поначалу казалась она тихой и нежной чистой капелью ласковых звуков, но не было силы заглушить ее. Она набирала глубину и мощь, черпая их в самой себе, и вот уже казалось, что две совершенно разные мелодии звучат перед тронем Илуватара. Глубока, широка и прекрасна была одна из них, ее красота рождалась из безмерной печали. Другая мелодия, хотя и обрела теперь цельность, оставалась громкой, блестящей, бесконечно повторяющейся пустотой. Мало в ней было гармонии, разве что звенящий унисон множества труб, повторяющих три-четыре ноты. Но как ни бушевали звуки, пытаясь заглушить первую мелодию, она легко вбирала гром и грохот в свой скорбный узор.

В миг наивысшего накала этой борьбы, когда содрогнулись чертоги, а по Безмолвию, доселе недвижимому, пронесся трепет, встал Илуватар, и грозен был Его лик. Воздел Он вверх руки и единым аккордом, пронизавшим Бездну и Свод Небес, оборвал Музыку.

И сказал тогда Илуватар:

– Могучи Айнуры, и не последний из них Мелькор. Но Я – Илуватар! Я покажу вам, что сотворили вы своей музыкой. И ты, Мелькор, поймешь, что нет темы вне Меня, и нет силы превыше Моей, но источник всего – Я. Как бы ты ни противился, удел твой – быть послушным исполнителем Моих замыслов в создании чудес, которых не в силах представить твой разум.

Устрашились Айнуры непонятных для них слов. Стыд ощутил Мелькор и разгневался оттого. А Илуватар поднялся во всем Своем блеске и вышел из дивных чертогов, приказав Айнурам следовать за собой. И когда они вышли в Ничто, сказал Единый:

– Узрите свою Музыку!

При этих словах явилось Видение. Там, где раньше был только Звук, родился Свет. Властью Илуватара прозрели Айнуры новый мир – шар, висящий в пустоте. Перед ними потекли образы его будущей истории. Казалось, шар живет и растет, и в молчании созерцали они его судьбу.

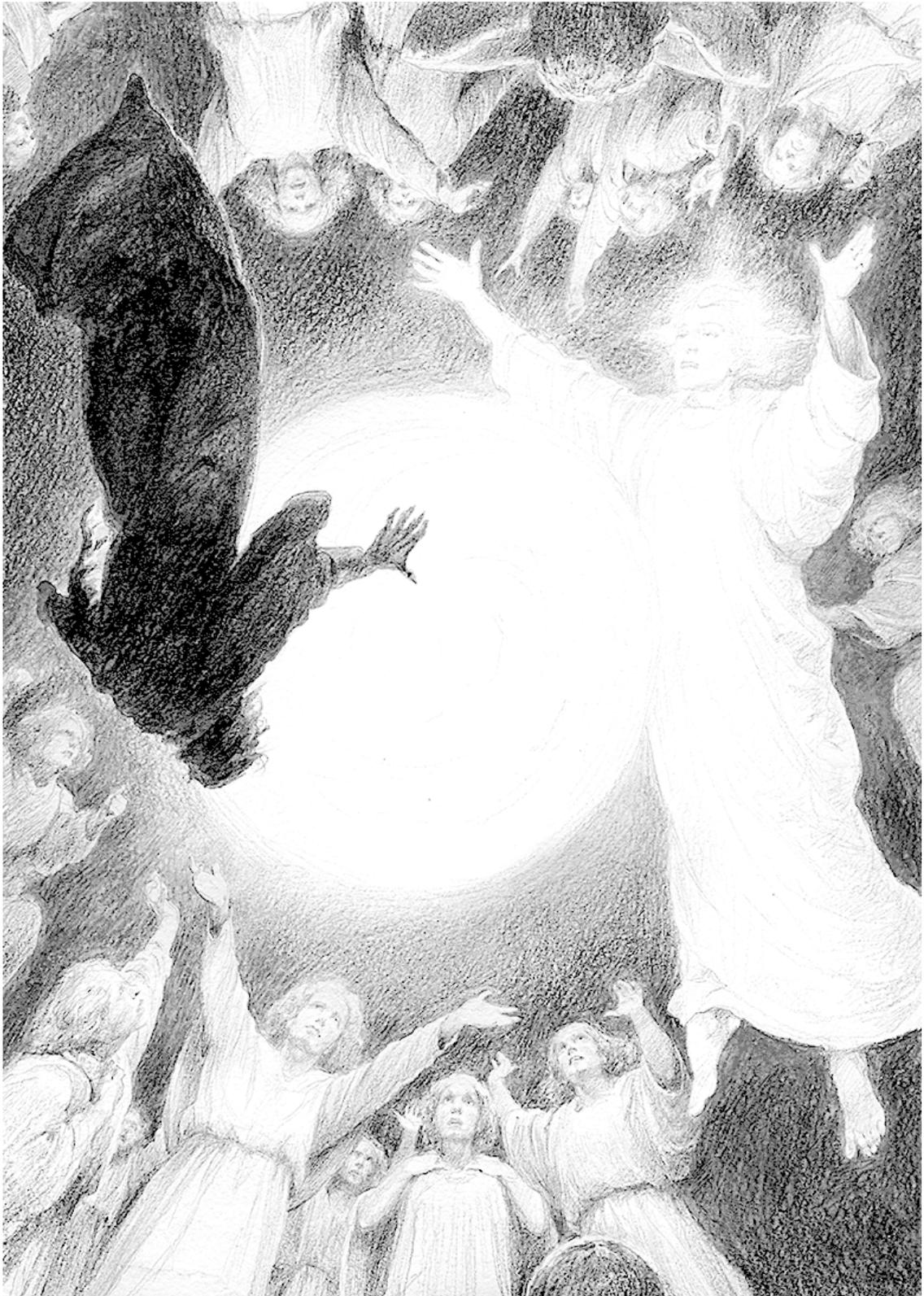
Снова зазвучал голос Илуватара:

– Узрите свою Музыку! Это – ваши мелодии, и каждый найдет в них свои помыслы. И ты, Мелькор, постигнешь тайное тайн своего разума и тогда поймешь, каково его место в Едином Замысле.

Многое поведал тогда Илуватар. Айнуры помнят его речи, и каждый знает свой вклад в Музыку Единого. Им ведомо многое из того, что было, есть и будет. Но всех своих замыслов не раскрыл Илуватар никому. И вот в каждую эпоху приходят в Мир вещи новые и дивные, и нет у них истоков в прошлом.

Но и тогда, созерцая Видение Мира, Айнуры узрели многое из того, о чем не думали никогда прежде. С изумлением наблюдали они приход Детей Илуватара в уготованное им жилище и поняли, что, творя Музыку, творили они этот Дом, не ведая цели своего творения, поглощенные лишь красотой звуков. Дети Илуватара были только Его замыслом, они рождены третьей темой, ни в первой, ни во второй их приход не звучал, и ни один из Айнуров к этому не причастен. Тем сильнее полюбили их творения Эру, странные, вольные и не похожие на

самих Айнуров. Великий Дух Илуватара сверкнул в них новой гранью, и мудрость Его обрела в этом творении явь, и воочию узрели Айнуры ее блеск и славу.

Дети Илуватара – это Эльфы и Люди, Перворожденные и Пришедшие Следом. В глубине времен, среди бесчисленных звезд, необозримых пространств чудесного мира, избрал Илуватар место для Своих Детей. Тому, кто не видит строгой соразмерности Мира, кто теряется в

его бесконечности, кто зачарован могучим созиданием Айнуров, не законченным и поднесь, покажется Дом Детей малой песчинкой. Немудрому не дано видеть, что Арда – лишь основание возводимой башни, чья вершина тоньше иглы уносится в безбрежные выси, а непрерывные труды Айнуров устремлены к тому единственному мигу, ради которого наполняют они содержанием первичные формы. Но сами Айнуры, узрев Дом в Видении, явленном Илуватаром, видя просыпающихся Детей Творца, возлюбили место Дома со всей страстью своих помыслов. Властно влекло туда самых могучих из них. И снова во главе был Мелькор, так же как стремился он быть первым среди Айнуров, создававших Музыку. Но правила им ложь. Лгал он самому себе, когда рвался готовить Арду к приходу Детей Илуватара, усмирять знойные бури и лютые холода на ее просторах. Истинно замыслил он подчинить себе эльфов и людей, ибо завидовал дарам, обещанным им Илуватаром, и жаждал власти и господства над душами и волей свободных существ, стремясь обратить их в слуг и рабов.

Айнуры же ликовали душой, видя Землю среди безбрежных пространств, глаза их сияли радостью при виде многоцветья ее одежд, а неумолчный шум морских валов навсегда лишил покоя их души. Взорам Айнуров открывались прозрачные глубины воздуха и ветров; колеблющиеся легкие туманы поутру; скрытые в недрах металлы; искрящиеся камни и многое другое, – но вода пленила их. Эльдары говорят, что именно воды Земли сохранили отзвуки Музыки Айнуров; многие Дети Илуватара готовы и поныне бесконечно внимать голосу Моря, хотя и не знают, что слышится в нем.

Одного из Айнуров воды восхитили особенно. Эльфы зовут его Ульмо. По воле Илуватара он был более других сведущ в Музыке.

К вольным ветрам и воздуху обратился Манвэ, благороднейший и мудрейший среди Айнуров. Аулэ думал об устройстве земных недр. Мастерством и знаниями он не уступал Мелькору, но радость доставляло ему творчество, а не обладание. Гордый Аулэ вечно дарит и ничего не копит. Он свободен от забот, и работа его никогда не кончается.

К Ульмо обратился Илуватар:

– Видишь, там, на этой маленькой Земле, Мелькор пошел войной на твои владения? Жестокие морозы сотворил он, но не разрушил красоты твоих водопадов и чистых озер, а лишь украсил мир вьющимися чудными снежинками и дивными морозными узорами; он создал зной и иссушающее пламя, но не заглушил музыки твоих морей. Взгляни на небеса Земли, на величие ее облаков, на вечноизменчивые туманы; прислушайся, как падает на Землю дождь. Вот стихия, в которой рядом с тобой будет твой любезный друг Манвэ.

Ответил Ульмо:

– Воистину, я не мог представить, как прекрасны воды. Мне не под силу измыслить узор чудеснее кружева снежинок, мне не спеть так, как поет дождь. Мы с Манвэ будем петь вместе на радость Тебе!

С этих самых пор Манвэ и Ульмо всегда были заодно и всегда верно служили планам Илуватара.

* * *

Ульмо говорил, и в этот миг Видение исчезло. Погас искрящийся в бесконечности шар, и Айнуры познали Тьму, существовавшую доселе только в мыслях. Айнуры успели полюбить Мир, обретавший плоть, расцветавший у них на глазах, и обратились к нему всей душой и помыслами, хотя незавершенной осталась История Мира, не замкнулся Круг Времен, и не успели Айнуры увидеть наступление Эпохи Людей и закат Перворожденных. В Музыке Айнуров есть все, но Поздние Эпохи и Конец Мира остались сокрыты от взоров Блаженных.

Обеспокоенно переглядывались Айнуры, и сказал им Илуватар:

– Ведомо мне ваше желание воплотить Видение в жизнь. Вот мое слово: Эа! Пусть все это будет! Смотрите, я вкладываю в Ничто искру Негасимого Пламени. Она станет сердцем Мира, и Мир будет. Если хотите, можете спуститься туда.

И вот вдали забрезжил свет. Было так, словно внутри облака билось и трепетало живое, пламенное сердце. Поняли Айнуры: не Видение перед ними. Это Илуватар создал Новое – Эа, Мир Сущий.

С той поры часть Айнуров так и живет с Илуватаром за гранью Мира, а другие – среди них самые могучие и прекрасные – простились с Единым и спустились на Арду. Может быть, по воле Илуватара, а может, из любви, горящей в душах Айнуров, судьбы их с тех пор неразрывно сплетены с судьбой Мира, в них – его жизнь, а их жизни – в нем, и покуда существует Мир, так будет. И потому имя им с тех пор – Валары, Стихии Мира.

* * *

Валары пришли на Эа. Поначалу растерянность овладела ими, так не похож был этот мир на явленный в Видении. Все пребывало в самом начале, все было бесформенным, и всюду была Тьма. В Великой Музыке расцвели помыслы Айнуров в Чертогах Безвременья, Видение было прозрением, а сейчас они стояли у Начала Времен и понимали, что мир только предначертан и им суждено создавать его. Отсюда начались их великие труды на огромной, пустынной Земле. Бессчетные века прошли, прежде чем в Глубинах Времени, посреди обширных чертогов Эру пробил час создания Дома Детей Илуватара.

Манвэ творил Дом, и Аулэ, и Ульмо, но с самого начала мешал их работе Мелькор. Он вмешивался в любое начинание, стремился все сделать по-своему. Это по его воле юная Земля оделась пламенем. Тогда возжаждал ее Мелькор и произнес горделивые слова:

– Здесь будет мое царство! Объявляю его своим!

Манвэ, брат Мелькора в думах Илуватара, тот, чей голос защищал вторую тему от дребезжащих труб, призвал на Арду множество духов, больших и малых, дабы охранить труды Валаров от посягательств Мелькора, дабы не увяла Земля, не успев расцвести.

И Манвэ сказал Мелькору:

– Не бывать здесь твоему царству, ибо трудом многих и многих создается этот мир.

Так началась борьба между Мелькором и другими Валарами. Мелькору пришлось отступить, он удалился в пустынные области и был там полновластным хозяином, но мысль о господстве над Землей прочно поселилась в его сердце.

Валары обрели плоть. Их вела в Мир любовь к Детям Илуватара, и потому Владыки Арды избрали для себя образы Перворожденных, какими они запомнились им по Видению, только более могучие и прекрасные. Их облик стал частью Зримого Мира, ибо не готовы были глаза Детей Илуватара к восприятию Мира Истинного. Но зримый облик Валаров подобен людским одеждам. Валары могут сбросить обличье, так же как люди сбрасывают платье. Тогда незримы они и для эльфов и для людей. И стали во плоти одни Валары мужами, а другие – женами. Только здесь стала заметна разница в их изначальной сущности, определившей сей выбор. И мы отличаем мужчин и женщин по платью, однако не платьем созданы их различия. Ошибкой было бы сравнивать Валаров с земными Королями и Королевами, ибо не подобает это Стихиям. Когда же случается глубоко задуматься Валарам, земным глазам является полное их величие, и невозможно созерцать его без трепета.

На Арде у Валаров было множество помощников, пришедших вместе с ними. Одни были куда слабее Валаров, другие почти равны им по силе. И они вместе трудились над созиданием Земли, вместе усмиряли ее буйный нрав. Узрел Мелькор блаженных и прекрасных Валаров, облекшихся в зримые образы, узрел плоды их трудов – укрощенную Землю, ставшую дивным садом, узрел – и ненависть запылала в нем сильнее прежнего. Тогда и Мелькор принял зримый

облик. Но по злобе его оказался он ужасен и мрачен. Подобно исполинскому утесу низвергся он на Арду, величием и мощью превосходящий других Валаров, окутанный дымным огнем, со взглядом, опаляющим зноем и пронзающим стужей.

Началась первая битва Валаров с Мелькором за обладание Ардой. Но из тех времен даже память эльфов сохранила немного. Эльдары – эльфийский народ, учившийся у Валаров в землях Валинора, – слышали от Владык повествование о тех давних делах и сохранили в памяти, как стремились Валары подготовить Землю к встрече Детей Илуватара, как создавали они цветущие долины, а Мелькор вздыбливал их к небу хаосом круч; Валары воздвигали горы, а Мелькор повергал их во прах; Валары заполняли моря, а Мелькор превращал волны в барханы. Ничто не оставалось в покое, нигде не было мира.

Валары творили, Мелькор разрушал; поэтому ни одному замыслу Валаров не удалось воплотиться в полноте, так, как виделось им в Видении. Шаг за шагом Земля обретала форму, пока, наконец, в Глубине Времен и среди бесчисленных звезд не был создан Дом Детей Илуватара.

Валаквэнта
Слово о Валарах и Майа
(Из Книги Знаний Эльдаров)

В Начале Начал Эру, Единый, имя которого на языке эльфов – Илуватар, из дум своих создал Айнуров. Перед лицом Его Айнуры творили Великую Музыку. Илуватар сделал ее зримой, и тогда родился Мир. Красота Видения, явленного Илуватаром, очаровала Айнуров; не отрываясь, следили они за вехами истории будущего Мира. Илуватар повелел Видению быть, поместил его в Великой Пустоте и зажег в сердце Мира Тайный Огонь. Эа наречен был Мир. Тогда, в Начале Времен, многие Айнуры начали великий труд воплощения Видения и трудились в таких отдаленных уголках Эа, о которых никогда не помышляли ни люди, ни эльфы. Длинная вереница веков промелькнула и растаяла в вечности, пока в сужденные сроки не превратилась Арда – Земное Царство. Тогда Айнуры сошли на Землю и стали Валарами.

Валары

Валарами, Стихиями Арды, называли эльфы Великих Духов. Люди звали их богами. Семь Владык Валаров на Арде, и Владычиц Вал тоже семь. Имена их на языке эльфов Валинора звучат иначе, чем на языках Среднеземья, и отличаются от принятых у людей. Валары: Манвэ, Ульмо, Аулэ, Оромэ, Мандос, Лориен и Тулкас. Валы: Варда, Йаванна, Ниэнна, Эстэ, Вайра, Ванна и Нэсса.

Мелькор утратил право зваться Валаром, имя его не произносится на Земле.

* * *

Манвэ и Мелькор были братьями. Всех превосходил могуществом Мелькор, но Манвэ ближе Илуватару, и никто так хорошо не понимает замыслов Единого, как Манвэ. Ему предстояло стать Верховным Владыкой Арды и управителем жизни. Его стихия – ветра и облака, все токи воздуха от верхнего Покрывала Арды до неизмеримых глубин, от всесокрушающего урагана до полевого ветерка. Его называют Владыкой Дыхания Арды. Он любит быстрокрылых птиц, и они послушны его воле.

С Манвэ всегда рядом Варда, Владычица Звезд. Ей ведомы все просторы Эа до самого отдаленного уголка. Даже слова эльфов бессильны передать ее красоту, ибо свет Илуватара почует на ней.

И сила ее, и радость ее – Свет. Варда знала Мелькора еще до создания Музыки, тогда же отвергла его и пришла на помощь Манвэ из неизмеримых глубин Мира. Мелькор страшился Варды и ненавидел более всех, рожденных Эру. Манвэ и Варда всегда вместе. Их чертоги в Валиноре, над вечными снегами, в башне Ойолоссэ, на вершине Таниквэтил, высочайшей горы Арды. Со своего трона озирает Манвэ свои владения, и, если Варда рядом, он видит сквозь туманы и тьму, сквозь моря и горы. Варда, когда рядом Манвэ, слышит все в мире. Ничто не укроется от ее слуха ни в горах, ни в долинах, ни на востоке, ни на западе, ни в темных чашцобах и ущельях, сотворенных Мелькором. Среди всех Духов Арды самую горячую любовь и самое преданное почитание дарят эльфы Варде. Для них она – Элберет. К ней обращаются их голоса из мглы Среднеземья, ей поют песни на восходе звезд.

Владыка Вод Ульмо одинок. Нигде не задерживается он подолгу. В морях Арды и в ее недрах Ульмо – свободный странник. Нет равного ему по силе, лишь могущество Манвэ признает над собой Ульмо. Еще до создания Валинора стали они друзьями. Но Ульмо – редкий гость в Валиноре. Только на советах Валаров для решения важнейших вопросов встречается он с собратьями.

Забота его – вся Арда, ему чужд покой, но он не любит ходить по Земле, подобно другим Валарам, и поэтому редко принимает зримый образ. Детей Илуватара появление Владыки Моря повергает в ужас. Им видится исполин, гигантской волной идущий на сушу, с пенным гребнем на шлеме, в кольчуге, мерцающей серебром и мглистой зеленью. И если голос труб Манвэ чист и звонок, то голос Ульмо глубок и гулок, как пучины океана, ведомые лишь ему одному.

Да, грозен лик Ульмо, но нежна его любовь к эльфам и людям. Никогда не отворачивается он от Детей Илуватара, даже если другие Валары гnevаются на них. Иногда, незримый, приходит он к берегам Среднеземья и в глубоких заливах играет на больших рогах из белых раковин – Ульмури. Кто услышит хоть раз эту музыку, навечно сохранит ее в душе и всегда будет тосковать в разлуке с морем. Но чаще Ульмо говорит с живущими в Среднеземье головами вод, ибо все моря, реки, озера, водопады и родники подвластны ему. Эльфы знают, что

дух Ульмо течет в жилах Земли. Вода приносит ему вести, и Ульмо ведомы все нужды и печали Арды, скрытые даже от Манвэ.

Аулэ немногим уступает Ульмо в могуществе. Он владеет телом Земли. В Начале Начал вместе с Манвэ и Ульмо он творил это тело, лик Арды – дело его рук. Аулэ – кузнец и знаток ремесел, умелец в великом и в малом. Им созданы драгоценные камни и жаркое золото, горные кряжи и ложа морей. Нолдоры учились у него мастерству, он всегда был им другом и наставником.

Аулэ творил, а Мелькор из зависти разрушал созданное, но Аулэ не уставал восстанавливать и исправлять. Равные по силе, оба жаждали создавать доселе невиданное, оба любили похвалу своему мастерству, но Аулэ никогда не изменял замыслам Илуватара, всеми трудами претворяя их, никогда не завидовал деяниям других, внимал советам и с радостью давал их. Мелькор же иссушил дух свой в ненависти и злобе и мог лишь подражать творениям других да разрушать не им созданное.

Подруга Аулэ – Йаванна, Мать Изобилия. Она любит все, что растет на Земле, помнит деревья Предначальных Эпох, кроны которых задевали облака, помнит мох на камнях и слабенькие травинки болот. Среди Владычиц Вал она лишь немного уступает Варде. В зримом облике – это высокая, статная женщина в зеленом платье, а иногда – стройное, величественное дерево с кроной из солнечных лучей; со всех ветвей его на землю струится золотая роса, а подножие окружено зелеными побегам. Корни дерева любовно омывают воды Ульмо, а ветры Манвэ нежно перебирают листву. Кементари, Королева Земли, зовется она на языке Эльдаров.

Властители Душ, братья Мандос и Лориен, получили прозвание от тех мест, где они живут. Настоящие их имена Намо и Ирмо.

Намо, старший, живет в Мандосе, на западе Валинора. Он – хранитель Царства Мертвых, он созывает души погибших. Он помнит прошлое, ему ведомо будущее, кроме Сокрытых Времен, над которыми властен лишь Эру. Провозвестник Валаров, он отверзает уста и пророчествует лишь по велению Манвэ.

Подруга Мандоса – Вайра, Прядущая Полотно Мира. Все, что было, запечатлено ее руками на огромных гобеленах, украшающих стены Чертогов Мандоса. Идут века, жилище Мандоса становится все обширнее, но не устают искусные руки Вайры вплетать дела земные в ковер истории.

Ирмо, младший брат, – хозяин Видений и Снов. В Лориене цветут его сады, в прекраснейшем Лориене, лучшей земле Валаров. С ним рядом ласковая Эстэ, Целительница, дарящая здоровье и покой. Она носит одежды серого цвета и днем спит на тенистом острове озера Лорелин. Бодрость приносят живущим в Валиноре дивные фонтаны Эстэ и Лориена. Валары часто отдыхают там от трудов и забот.

Сестра Мандоса и Лориена, Ниэнна, живет одна. Скорбящая – называют ее. Каждая рана, каждый удар Мелькора, нанесенные Арде, бесконечно печалют ее. Страданием отзывались в душе Ниэнны диссонансы Мелькора; это ее песнь обратилась в плач задолго до окончания Музыки. Так печаль оказалась вплетена в ткань Мира задолго до его рождения. Не о себе плачет Ниэнна, и тот, кто слышит ее, знает сострадание, умеет терпеть и надеяться. Чертоги Ниэнны на крайнем западе, на границах Мира, редко приходит она в радостный Валмар. Зато часто гостит по соседству, у брата Намо, где ждущие в Чертогах Мандоса взывают к ней. Она дарует силу духа, а скорбь обращает в мудрость. Окна жилища Ниэнны смотрят за пределы Мира.

Самый сильный и бесшабашный из Валаров, Тулкас имеет прозвание Астальдо, Доблестный. Он последним прибыл на Арду, чтобы помочь Валарам в первых битвах с Мелькором. Нет ничего милее для Тулкаса, чем померяться силами и побороться – все равно с кем. Тулкас не знает усталости, ходит только пешком, но быстрее любого конного, и не признает другого оружия, кроме своих рук. В зримом облике Тулкаса можно узнать издали по золотистым

волосам, бороде и красному цвету кожи. Он не помнит прошлого, не задумывается о будущем, советы его легкомысленны, но друг он верный.

Его подруга – Нэсса, сестра Оромэ. Гибкая, легконогая, всегда в окружении оленей, бродит она беззаботно в лесах и лугах Арды. Сама быстрее любого оленя, с ветром в волосах, любит Нэсса танцы и часто танцует на вечнозеленых полянах Валмара.

Владыка Оромэ уступает Тулкасу в силе, но в гневе становится страшен. Тулкас же всегда смеется, он смеялся в лицо Мелькору в битвах, сотрясавших Мир до прихода эльфов.

Оромэ любит Среднеземье, и, когда пришла пора удалиться в Валинор, он уходил последним и с неохотой. В древности он часто возвращался на восток, в холмы и степи своих любимых земель. Оромэ – лучший среди Валаров охотник на чудищ и злобных тварей, порожденных Мелькором, с ним всегда собаки и кони, нежно любит он деревья. За это получил Оромэ прозвание Альдарон, Владыка Лесов. Его конь Нахар, белый-белый днем, сияет серебром в ночи. Когда Оромэ со свитой охотится на лиходейских тварей Мелькора в лесах Йаванны, звук его большого рога – Валаромы – громом разносится окрест.

Подругу Оромэ зовут Ванна, Вечноюная. Она приходится Йаванне младшей сестрой. По ее следам расцветают цветы, от взгляда пробуждаются почки на деревьях, а птицы приветствуют Ванну громкими песнями.

Таковы имена Валаров и Вал. Таковы их характеры и обличья, относящиеся к временам, когда Эльдары жили в Аманы вместе с ними. В этих обличьях являлись они Детям Илуватара, но зримый облик Стихий Арды – лишь оболочка, скрывающая подлинную красоту и мощь Валаров. Сказанное здесь – лишь малая часть некогда обширных знаний Эльдаров, но и прежде едва ли видели Перворожденные истинную сущность тех, чьи истоки – в глубине времен и безмерности пространств.

Девять могучих Валаров почитали на Арде. Один отделился, и осталось восемь: Манвэ и Варда, Ульмо, Аулэ и Йаванна, Мандос, Ниэнна и Оромэ. Они – Аратары, Высочайшие. Манвэ правит во имя Эру, но в могуществе равны все девять и намного превосходят иных Айнуров, Майа и прочих духов, посланных Илуватаром в Мир.

Майа

Вместе с Валарами на Арду пришло множество других духов. Они старше Мира и во многом подобны Валарам, но не такие могучие. Это Майа – народ Валаров, помощники, послушные их воле. Сколько их было – эльфы не помнят. Долгие века стерли в памяти Детей Илуватара имена большинства из них, а может быть, имена не сохранились потому, что Майа редко посещают Среднеземье в зримом облике.

Хроники Предначальной Эпохи называют первейшими среди Майа Валинора Эонвэ, знаменосца и глашатая Манвэ, лучшего воина Арды, а также Ильмарэ, ближайшую помощницу Варды. Но Дети Илуватара ближе других Майа познакомились с Оссэ и Уинен.

Оссэ из свиты Ульмо – он Повелитель Морей, омывающих берега Среднеземья. Его не привлекают глубины, он любит прибрежные отмели, острова, заливы. Еще любит он ветра Манвэ, грохот штормов и рев бури, тогда его смех часто раздается над волнами. Подруга Оссэ – Уинен, Управительница Моря. Она пестует жизнь вод и может смирять волны, успокаивая разыгравшегося Оссэ. Моряки в трудные минуты часто взывают к ней. В Нуменоре, долго жившем под ее защитой, считали Уинен покровительницей и почитали наравне с Валарами.

Море всегда вызывало ненависть Мелькора, ибо не мог он покорить его. Говорят, в начале творения Мелькор переманил Оссэ на свою сторону, посулив за службу владения и власть Ульмо. Потому и бушевали на заре мира небывалые шторма, разрушая только что созданные берега. Уинен по просьбе Аулэ образумила Оссэ. Он предстал перед Ульмо, раскаявшись в делах своих, был прощен и с тех пор оставался верен Валарам, но буйный нрав свой не смирил и время от времени бушует вопреки воле Ульмо. Жители побережья и моряки любят Оссэ, но не доверяют ему.

Майа Мелиан помогала двум Валарам: Ванне и Эстэ. Прежде чем прийти в Среднеземье, она долго жила в Лориене, ухаживая за садами Ирмо. Куда бы ни шла Мелиан, всюду ее сопровождало соловьиное пение.

Мудрейший из Майа – Олорин. Он тоже жил в Лориене, но часто бывал у Ниэнны и от нее научился состраданию и терпению.

О Мелиан еще пойдет речь в Квэнта Сильмариллион, а вот об Олорине там нет ни слова. Олорин любил эльфов, но всегда бродил среди них незримым, если не принимал облик одного из них, и они не догадывались, откуда приходят дивные видения и почему исполняются мудрости их души. Олорин – друг всех Детей Илуватара, он сострадает их бедам, поэтому внимающих ему оставляет отчаяние и темные думы.

Враги

Последним в ряду Айнуров Арды стоит имя Мелькора. Однако имя это носивший его Айнуур утратил. Нолдоры, более других испытавшие на себе его злобу, называли его иначе: Моргот, Черный Враг Мира. Великая сила дана была этому Айнуру Илуватаром, не был он обделен и знаниями, но обернул их во зло и растратил в кознях и гневе, стремясь завладеть Ардой и подчинить своему господству равных себе.

Истинно велик был Мелькор, но от высокомерного презрения, от себялюбия пал и стал пустым и безжалостным. От врожденной способности постижения Истины пришел Мелькор к хитрости и постыдной лжи, извратив все истинное. Когда-то он возжаждал Света, но скоро убедился, что не сможет владеть им единолично, и тогда алчность низвергла его сквозь огонь и ярость во Тьму. Тьма стала любимым его оружием, он наполнил ее ужасом для всех живущих.

Но столь велика была его мощь, что в давние времена соперничал он с Манвэ и другими Валарами и долго властвовал над большей частью Земли. Многие Майа соблазнились блеском величия Мелькора во дни его славы, многие из них сохранили ему верность во Тьме. Иных завлек он к себе на службу предательством и ложными посулами. Самыми ужасными из них стали Валараукары, Огненные Бичи. В Среднеземье звались они Барлогами, Демонами Страх.

Имя одного из слуг Моргота навсегда запомнили Эльдары: Саурон, или, иначе, Гортхаур Жестокий. Когда-то он служил Аулэ и превосходил мощью многих и многих Майа. Отпав от Света, сопровождал Саурон всем козням и замыслам своего хозяина, лишь немного уступая ему в силе, ибо долго служил другому, а не себе. Прошли века, и он восстал как тень Моргота, как призрак злобы его, восстал и сошел за ним следом по пути разрушения в Ничто.

Здесь кончается «Валаквэнта».

Квэнта Сильмариллион

Глава I О начале дней

По словам мудрых, Первая Война началась еще до окончания творения Арды, на бесплодных мертвых землях. Мелькор побеждал до тех пор, пока на подмогу к Валарам не пришел дух непобедимо сильный и беззаветно смелый. В глубине небес прослышал он о битвах, что разыгрались в Малом Владении, и вскоре Арда вздрогнула от раскатов его хохота. Так пришел Тулкас. В бою ярость его не знала границ, был он подобен урагану, сметающему перед собой тучи и тьму. Не выдержал Мелькор гнева и смеха воина, отступил перед Тулкасом, покинул Арду, и на долгие годы на планету снизошел мир. Тулкас остался, став одним из Валаров Земного Царства. Мелькор же томился во Тьме за пределами Мира и навсегда возненавидел Тулкаса.

Пришло время великого строительства. Валары приводили в порядок моря, обустроивали земли, возводили горы. Йаванна посеяла, наконец, семена, давно ею созданные. Когда огни, зажженные Мелькором, были погашены или погребены в недрах молодых гор, снова стало темно. Тогда Аулэ по просьбе Йаванны создал два могучих светоча. Они должны были освещать Среднеземье, только что сотворенное в окружении морей. Варда наполнила светильники, а Манвэ благословил их. На Земле нет теперь гор, превосходящих Столпы Света, установленные в то время Валарами: один – на севере Среднеземья, другой – на юге. Назвали их Иллуин и Ормал. Сияние Светочей залило Землю, и настал непреходящий день.

При свете семена, посеянные Йаванной, быстро взошли, появилось множество больших и малых растений: мхи, травы, папоротники, деревья-исполины, подобные живым горам, с вершинами, увенчанными облаками, с корнями, укрытыми зеленым сумраком. Звери заселили травянистые равнины, лесные кущи, берега озер и рек. Но не было ни цветов, ни птиц. Они еще спали на груди Йаванны. Зато, как и хотела хозяйка, на границе северного и южного Светов, в срединных областях Земли, жизнь была ключом. Именно здесь, на острове Альмарен, посреди Великого Озера, основали Валары первое жилище. Мир был юн, и молодая буйная зелень казалась своим создателям чудом, а на Земле царил покой.

Валары отдыхали, любовались буйным ростом пробужденной ими жизни, и Манвэ решил устроить пир. На него отправились все Валары со свитами. Пришли даже Аулэ и Тулкас. Даже они, могучие Валары, утомились во Дни Творения, ибо без мастерства одного и силы другого не обходилось ни одно начинание.

Мелькор уже тогда имел тайных приспешников и соглядатаев среди Майа и внимательно следил за всеми делами Земли. Пребывая вдали от нее, преисполнился он великой зависти к созданию своих братьев; пуще прежнего желал он господства в этом новом Мире. Собрал Мелькор под свои знамена рать мятежных Духов, сбитых им в свое время с пути истинного, и,

когда увидел, что собралось их немало, решил, что сила его велика и пришел срок его замыслам. Он приблизился к Арде, окинул ее взором, и красота вешней Земли еще сильнее разожгла в нем ненависть.

Тем временем Валары на Альмарене в ярком свете Иллуина забыли и думать о Мелькоре. В песнях поется о том, как на этом весеннем пиру Тулкас взял в жены Нэссу, сестру Оромэ, и она танцевала перед Валарами на зеленой траве Альмарена. И никто не обратил внимания на огромную, чернее самой черной ночи, тень Мелькора, возникшую на севере.

Когда усталый Тулкас спокойно уснул, Мелькор во главе своего воинства пересек Рубеж Ночи и появился на дальнем севере Среднеземья. А Валары все еще не подозревали об этом.

Там, где тускнели лучи Иллуина, глубоко в недрах гор, Мелькор сразу начал строить могучую и неприступную крепость Утумно, и вскоре из подгорных глубин, от стен темной твердыни, поползла в мир злорадия Мелькора, отравляя все вокруг дыханием ненависти. Зеленые ростки заболели и сохли, реки зарастали серым тростником, чистые озера затягивались рясой и превращались в смрадные болота, извергавшие тучи отвратительных насекомых-кровососов, в густых чащобах сгустился сумрак и страхом наполнились дебри, звери перерождались в рогатых клыкастых чудовищ, и на землю упали первые капли крови. Только тогда поняли Валары, что Мелькор снова принялся за свой злобный труд, и отправились разыскивать его логово. Мелькор, имея за собой несокрушимую Утумно, занятую его ратью, не давая Валарам подготовиться к войне, нанес первый удар. Он расшатал и свалил Столпы Света и разбил Светочи. Результат был неожиданным даже для него. Когда Столпы пали, земля сотряслась и покрылась огромными трещинами, моря вышли из берегов, а когда разбились Светочи, страшный огонь выплеснулся на землю и стал растекаться вокруг. Облик Арды изменился, равновесие земли и вод было нарушено, а замыслы Валаров уже никогда больше не смогли найти форму воплощения, созвучную первоначальной гармонии.

В наступившей тьме Мелькор скрылся. Даже им овладели страх и смятение. Над разъяренными морскими волнами могучим ураганом звучал голос Манвэ, дрожала земля под гневными шагами Тулкаса. Но Враг успел укрыться за стенами Утумно и затаился там. Валары не стали штурмовать крепость, ибо озабочены были умирением морей и спасением хоть малой части своих трудов. К тому же, чтобы добраться до Мелькора, пришлось бы расколоть Землю, как орех, а Валары никогда не забывали, что в их руках будущее жилище Детей Илуватара, время прихода которых им неведомо.

Так окончилась Весна Арды. Жилище Валаров на Альмарене было разрушено, и не было у них другого пристанища на Земле. Тогда они ушли из Среднеземья и направились в Аман, на крайний запад Мира, в земли, берега которых омывает Внешний Океан. Он окружает все Земное Царство, и лишь Валарам ведомы его границы. Дальше – только Рубеж Ночи. Восточные берега Амана смотрят на Великое Западное Море.

До победы над Мелькором было еще далеко, поэтому Валары построили здесь хорошо укрепленное жилище и воздвигли на побережье циклопические горные кряжи – Пелоры. Горы Амана – высочайшие на Земле. Но даже над их вершинами вздымается одна. Именно там воздвиг Манвэ свой престол. Эльфы называют эту заоблачную вершину Таниквэтил, или Ойолоссэ – Вечная Белизна, или Элerrина – Коронованная Звездами. Из своих чертогов на Таниквэтил Манвэ и Варда видят всю Землю до самого дальнего далека.

Под защитой стен могучих Пелоров было основано новое владение Валаров, Валинор, – обширная область, включавшая сады, дворцы и укрепления. Здесь, в Валиноре, берегалось все светлое и прекрасное из того, что удалось спасти от разрушения или воссоздать заново, и вскоре Валинор стал прекраснее Среднеземья во дни Весны Арды. Благословенной землей Бессмертных стал Валинор: ничто не увядало в нем, ничто не старилось и не страдало от болезней, ибо на его камнях почил дух благодати.

* * *

Когда закончилось создание обители Валаров, они возвели внутри кольца гор в центре равнины город Валмар Многозвонный. Перед западными его воротами поднимался зеленый курган – Эзеллохар, или, иначе, Кароллаирэ. Йаванна благословила его и пела на вершине долгую песнь-повеление. В ней заключены были раздумья Йаванны обо всем растущем на лице Земли. Ниэнна слушала ее и молча плакала, орошая траву слезами. Постепенно звуки Повелительной песни собрали вокруг холма других Валаров; они пришли и заняли места в креслах Совета, стоящих по кругу – Кольцу Судеб – близ золотых врат Валмара. Долго пела Йаванна, и вот на глазах у Валаров на вершине кургана пробилась из земли два гибких ростка. Казалось, все звуки в мире исчезли, и в тишине звучала только песня Йаванны. Покачиваясь в такт песне, ростки быстро тянулись вверх. Вот они стали стройными молодыми деревьями и, наконец, зацвели. Так явились в мир два Древа Валинора. Они стали самыми чудесными творениями Йаванны, а их судьба вплетена во все предания Предначальной Эпохи.

Листья одного из Дерев, темно-зеленые сверху, снизу сияли серебром. Бессчетные цветы роняли светящуюся росу, и земля трепетала от бликов, рассыпаемых листвою. Листья другого были нежно зелены, как у молодой березы, но каждый листок был обрамлен тонкой золотой каймой. В кроне желтым пламенем вспыхивали гроздья соцветий. Цветы напоминали маленькие раковины, из них струился на землю золотой дождь. Свет и тепло исходили от дерева. Первое из них нарекли Телпероном, а второе стали звать Лаурелин.

На протяжении семи часов каждое дерево наливалось ярким светом и медленно гасло и разгоралось снова за час до того, как тускнело другое. Дважды в день дивный час наступал в Валиноре: неяркий свет обоих деревьев, золотой и серебряный, сливался в мягком сиянии. Телперон вырос и зацвел раньше.

Первый час его сияния, серебристо-белый рассвет Валинора, Валары не внесли в отсчет времени, а назвали Часом Начала. Века жизни Валинора ведут счет от этого рубежа.

На исходе шестого часа первого дня свет Телперона померк, а на двенадцатый отцвел Лаурелин. Теперь каждый день Валаров состоял из двенадцати часов и заканчивался со вторым слиянием света, вслед за тем сияние Лаурелина гасло, а Телперона – росло. Но стекавшая с деревьев светоносная роса, уходя в землю, еще долго заставляла светиться воздух. Росу Телперона и капли Лаурелина Варда собирала в большие чаши. Они стали для всех Валаров источниками негасимого света. Так начались благие дни Валинора. Так начался счет времени.

* * *

Шли века. Приближалось время, назначенное Илуватаром для прихода Перворожденных, а Среднеземье лежало во мраке под звездами, созданными Вардой в первые годы ее трудов. Во тьме, страшен и грозен, бродил Мелькор, повелитель подземного огня и стужи, властелин горных вершин и ущелий; и какое бы зло ни творилось в те дни на Арде, исходило оно от мятежного Айнура.

Земли за Пелорами согреты были любовью и заботами Валаров. Теперь они редко появлялись в Среднеземье. Посреди Благословенного Края высились чертоги Аулэ, там трудился он не покладая рук, и большинство творений Валинора носило на себе отпечаток его таланта. От него приходят знания о Земле, к нему обращаются ищущие понимания природной сути вещей, он – первый наставник всех мастеров и умельцев: ткачей и столяров, рудознатцев и земледельцев и даже садоводов, хотя им в большей степени покровительствует Йаванна Кементари. Аулэ – друг Нолдоров, они многому научились от него и стали искуснейшими среди эльфов. Они не растратили дары Илуватара, а преумножили их. Язык и письменность, живопись

и скульптура – в них Нолдоры были первыми. Только они умели создавать драгоценные камни. Прекраснейшими из них были Сильмариллы. Теперь их нет.

Шло время. Самый благой и могучий из Валаров, Манвэ, не забывал о Покинутой Земле. Высоко над миром стоит трон Манвэ на вершине Таниквэтил. Духи из его свиты в облике ястребов и орлов приносят вести в покои владыки. Ничто не укроется от их зорких глаз ни в глубинах морей, ни у подножия гор, ни в лесных чащобах. Только вокруг Мелькора, объятого черной думой, лежит такой непроглядный мрак, сквозь который не проникнуть самым зорким глазам.

Манвэ правит миром не ради собственной славы и не из жажды власти. Ваниаров, полюбившихся ему, научил он стихам и песням, потому что поэзия – Любовь Манвэ, а песни – его Музыка. Голубые одежды на нем, голубыми глазами смотрит он на мир, в руках Манвэ – сапфировый скипетр, сработанный Нолдорами. Он – Манвэ, он правит именем Илуватара, он – Король Мира для Валаров, Эльфов и Людей и главный его защитник от злобы Мелькора. Рядом с Манвэ – Варда, Прекраснейшая. Элберет зовут ее Синдары. Она – Королева Валаров, Зажигающая Звезды. Вокруг владык великое множество благих духов.

Другой великий владыка, Ульмо, – редкий гость в Валиноре. С первых дней Арды избрал он своей обителью Внешний Океан, и поныне живет там. В его руках морские течения, приливы и отливы, русла рек и нити родников, роса и дожди во всем поднебесье. В океанских глубинах размышляет Ульмо о великой Музыке, отзвук его мыслей разносится по жилам земли, наполняя их печалью и радостью. Многому научились от Ульмо Тэлери, потому так чарующи и глубоко звуки их песен.

Когда-то вместе с Ульмо пришел на Арду Майа Салмар. Это он изготовил знаменитые рога Ульмо; кто однажды услышит их, запомнит навсегда. Оссэ, Уинен и множество других духов помогают Ульмо, взяв на себя дела Внутренних Морей.

Ульмо также никогда не забывал о темном Среднеземье, и кровь-вода продолжала пульсировать в жилах этой сумеречной земли, какие бы горести ни выпадали на ее долю. Кто бы ни скитался на темных просторах, вдали от света Валаров, он всегда мог рассчитывать на благосклонное внимание Ульмо, и вечно пребудет над Среднеземьем благословение Владыки Океана.

И Йаванна не забывала Внешних Земель. Многие труды, начатые в Среднеземье и разрушенные злобой Мелькора, не давали ей покоя. Время от времени покидала Йаванна дом Ауле

и цветущие луга Валинора и отправлялась на Восток – врачевать раны, причиненные Внешним Землям мятежным Айнуром.

И каждый раз по возвращении призывала Йаванна собратьев-Валаров выступить против Мелькора и избавить несчастные земли от злого владычества, не дожидаясь прихода Перво-рожденных.

Порой во тьму дремучих лесов наезжал могучий воин Оромэ. Тогда дребезжала земля под копытами сиявшего серебром в ночи дивного коня Нахара, а чудовища и хищные твари, во множестве расплодившиеся благоволением Мелькора, удирали со всех лап от исполинского копья и стрел великого Охотника. В сумерках мира победно звучал над равнинами Арды рог Валарома, рождая отзвуки в горах и заставляя Мелькора вздрагивать в недрах Утумно. Стретила Мелькора мощь Оромэ в предстоящих боях.

Но едва стихали вдали копыта Нахара, как снова выползло из укромных щелей лихо-дейское зверье, и слуги Мелькора снова заплотоняли землю мраком и ложью.

* * *

Теперь все сказано об устройстве Земли и ее правителях в начале дней до того, как мир изменился и встретил Детей Илуватара – Эльфов и Людей.

Там, в Довременье, Айнуров даже не заметили, как и когда в Музыке зазвучала тема Детей Илуватара. Впоследствии никто не дерзнул что-либо менять в замысле Единого, и поэтому Валары стали для эльфов и людей старшими братьями, учителями, но никак не властителями. Изредка Айнуров приходилось действовать принуждением, но к добру это не приводило, хотя и вызвано было добрыми побуждениями.

Айнуров ближе был народ эльфов. По замыслу Илуватара они были схожи, хотя, конечно, эльфы не могли сравняться с Айнуров красотой и могуществом. А вот людям достались от Творца странные Дары.

Говорят, что после ухода Айнуров на Арду настала тишина, и Илуватар около века сидел в одиночестве, погруженный в думы. Затем он сказал такие слова:

– Я люблю Землю, этот дом Квэнди и Атани! Квэнди станут прекраснейшими созданиями этого мира, им на долю выпадет познать, создать и дать миру больше прекрасного, чем другим моим Детям. Да не покинет их благодать. А для Атани у меня есть другой Дар.

И он повелел, чтобы души людей и за гранью мира не знали покоя, стремясь в беспредельность. Люди получили право по своей воле избирать пути и строить жизнь среди стихий мира по собственному усмотрению, ибо в Музыке Айнуров, вместившей судьбу всех вещей в мире, не было темы людей; только Илуватар ведал о тех, кто должен был прийти следом за эльфами. Именно людям предназначил Эру завершить творение Формы, наполнить ее Содержанием и исполнить Идею этого мира до самой малой малости.

Ведомо было Илуватару, сколь часто люди, оказавшись в кипении мировых стихий, будут забывать о Пути Истинном, ведомо было Илуватару, что не всегда смогут они в гармонии с миром использовать его дары, и Он сказал:

– Придет время, и люди поймут: что бы ни делали они, куда бы ни направили стопы свои, все во благовремени обернется к вящей славе трудов Моих.

Люди с тех пор часто огорчают Манвэ, постигшего многие думы Илуватара, и эльфы знают о том. Поэтому эльфам порой кажется, что люди подобны Мелькору, хотя тот всегда боялся и ненавидел людей, служивших ему.

Эру даровал людям свободу, но коротко их существование в мире. Приходит срок, и люди уходят. Куда? Эльфам неведомо. Эльфы остаются и пребудут до конца дней. Поэтому любят они мир любовью великой, чистой и горькой, и с годами она все горше. Ведь эльфы не умирают, разве что падут в бою или зачахнут в печали, но это мнимая смерть; с годами

силы эльфов не убывают, просто некоторые из них устают от десятков тысяч прожитых лет и, покинув здешние тела, уходят в чертоги Мандоса, откуда могут потом снова вернуться в мир.

Смерть людей настоящая. Приходит время, и они покидают мир, поэтому имя им здесь – Гости, Странники. Смерть – их сужденный удел, Смерть – это Дар Творца, которому во времени позавидуют даже Айнуры. Но Мелькор и здесь преуспел, заставив людей страшиться Смерти, затемнив ее истинную суть.

Но еще в начале времен эльфы узнали от Валаров, что в конце всего именно люди вместе с Айнурами станут Вторым Хором. А вот что тогда ждет эльфов – не знает никто. Илуватар никому не открыл своих намерений, а Мелькору они и подавно неведомы.

Глава II Аулэ и Йаванна

Говорят, что создателем Гномов был Аулэ. Во тьме Среднеземья он так страстно ждал прихода Детей Илуватара, так жаждал поделиться с ними своими знаниями и мастерством, что терпение его истощилось, и Аулэ до исполнения начертаний Эру создал гномов, таких, каковы они и сегодня. Аулэ не ведал будущего облика Детей Илуватара и наделил свои создания в первую очередь силой и неутомимостью, ведь Мелькор по-прежнему властвовал над Землей. Работал он втайне от других Валаров, ибо не был уверен в их одобрении. Так в подгорном чертоге Аулэ появились Семь Праотцев гномов.

Аулэ напрасно тайлся – от всеведения Илуватара не укрылись его замыслы. Когда Аулэ закончил свой труд, он возрадовался и начал учить гномов придуманному им языку. Тогда Илуватар обратился к нему, и в молчании внимал Аулэ словам Творца:

– Зачем сотворил ты *это*? Знаешь ведь: не в твоей власти творить живое, и могучий Айнур Аулэ – не более чем мое творение. Созданное твоими руками и твоей волей способно жить лишь твоим непрерывным участием. Любое их движение возможно лишь по твоему желанию, без тебя они – не более чем камень. Этого ли ты хотел?

И Аулэ отвечал:

– Нет, не этого хотел я. Я стремился создать существа, непохожие на нас, предмет нашей любви и заботы, существа, способные видеть красоту Мира, твоего творения. Просторы Арды могут вместить многих и многих, но она пуста и бесплодна. Я ждал и ждал, но ты же сам создал меня с неутолимим желанием творить. Не гневайся, ибо дела моих рук – не более чем желание неразумного ребенка походить на отца, смешно и неуклюже, но искренне подражающего его делам. И, как ребенок отцу, я приношу тебе дело рук своих, тобой же сотворенных. Но может быть, мне лучше уничтожить самонадеянно созданное?

Аулэ схватил огромный молот, чтобы разбить гномов, и плакал при этом. Но Илуватар, видя его раскаяние, решил иначе. И вот гномы испугались, отскочили в стороны от грозного молота и взмолились о пощаде. Снова раздался голос Илуватара:

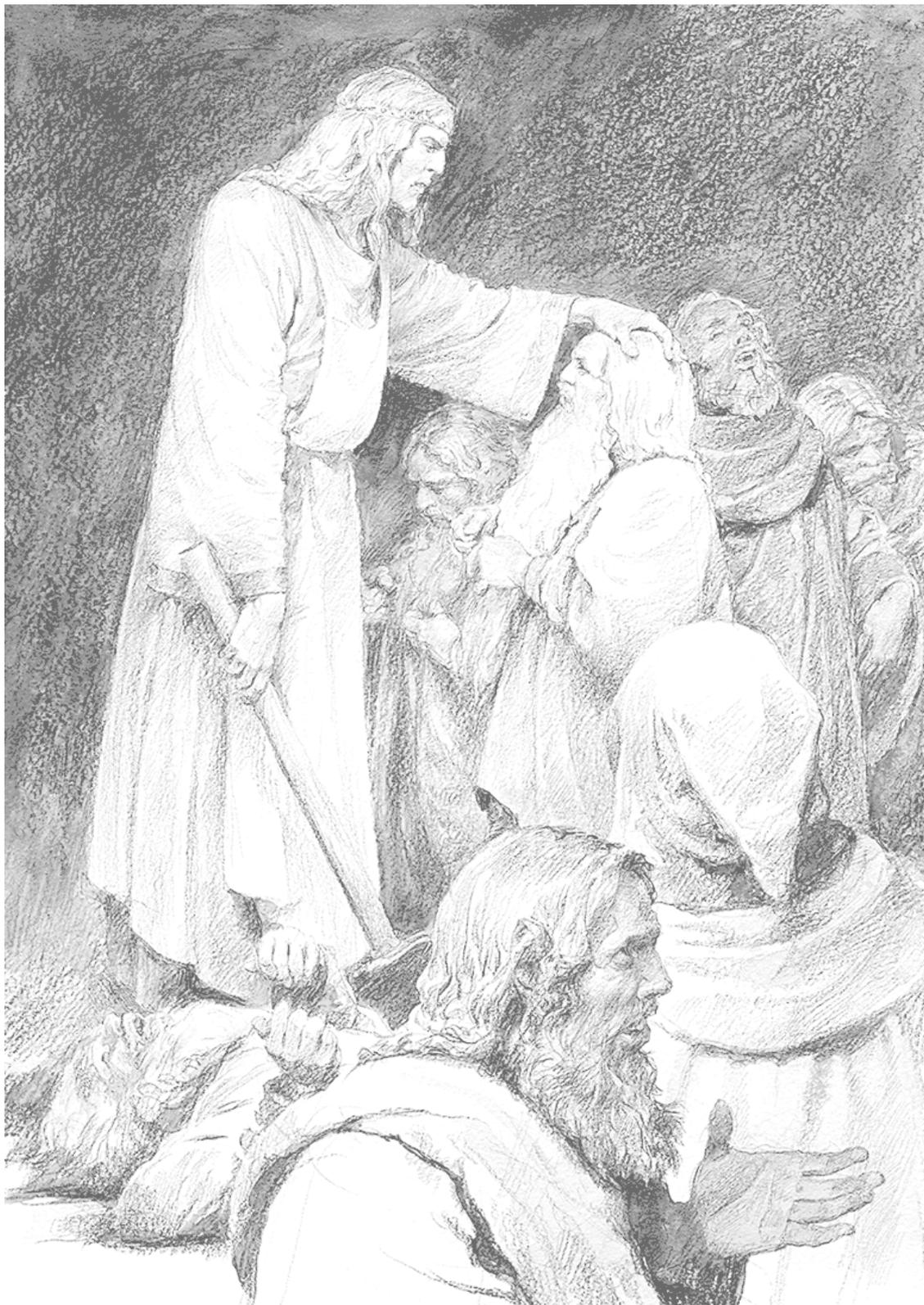
– Я принял твой дар. Видишь, твои создания уже живут своей жизнью и говорят своим голосом. Иначе не уклониться бы им от твоего удара.

Возрадовался Аулэ, отбросил молот и воскликнул:

– Благослови мой труд и прими как свой!

Но Илуватар прервал его.

– Так же как в Начале Мира я дал бытие думам Айнуров, теперь я принял твой дар и дал ему место в этом бытии, но не более того. Созданное тобой пусть будет, но не бывать гномам здесь прежде Перворожденных. Вот цена твоему нетерпению: гномам твоим спать отныне в подгорной тьме. Тебе вместе с ними придется ждать пробуждения Моих Детей, когда бы оно ни случилось. В свой черед я разбужу их, они станут твоим народом, и ты еще увидишь: немало раздоров будет между детьми моего снисхождения и детьми моего замысла.

Аулэ взял Праотцев гномов, отвел их в дальние покои и уложил спать, а сам вернулся в Валинор и ждал там долгие годы.

Гномам должно было явиться на свет во дни владычества Мелькора, Аулу думал об этом и наделил их большой выносливостью и силой. Твердые волей, стойкие, упрямые, скорые в дружбе и в гневе, неутомимо трудолюбивые, легко переносящие боль, голод и лишения – вот

что отличает их среди других народов Среднеземья. Живут они долго, гораздо дольше людей, но все же не вечно. Эльфы верили, что, умерев, гномы возвращаются в камень, из которого были созданы. Сами гномы считают иначе. По их верованиям Создатель Аулэ (они зовут его Махал) собирает души умерших гномов в дальнем покое Мандоса. Со времен Первых Гномов передаются слова Аулэ, обещавшего гномам перед концом мира благословение Илуватара и место среди его Детей. Когда закончится Последняя Битва, гномы еще пригодятся Аулэ, чтобы восстанавливать Арду. И еще говорят они, что Семеро Первых Гномов живут снова и снова в своих потомках и носят свои древние имена, а наиславнейший среди них – Дарин, Государь народа, дружившего с эльфами. Царство его было в Казад Думе.

Аулэ хранил свой труд в тайне от других Валаров, но Йаванне он поведал о случившемся. И она сказала ему:

– Эру милостив. Ты вправе радоваться, ибо не только прощен, но и одарен. Однако ты работал один, втайне даже от меня, поэтому создания твоим, как и тебе, милее будут труды их рук, а взор будет обращен долу, и не заметят они красоты живого на Земле. Много моих деревьев падет под ударами их безжалостного железа.

Тогда Аулэ возразил ей:

– Не так ли будут поступать и Дети Илуватара? Им тоже нужна будет пища, они тоже будут строить. Созданное тобой прекрасно, таким оно и останется – придут Дети Илуватара или нет. Но именно им уготовил Эру власть над всем сущим. С уважением и благодарностью, но они будут пользоваться всем, что мы создали на Арде.

– Воистину, так будет, – вздохнула Йаванна, – если только тень Мелькора не ожесточит их сердца.

Печальна была душа Йаванны, будущее тревожило ее. Пошла она к Манвэ и, ни словом не обмолвившись о гномах, спросила:

– Скажи мне, благой Манвэ, истинно ли говорит Аулэ, что Детям Илуватара дана будет власть над всеми моими творениями?

– Да, это так, – ответил Манвэ. – Но почему ты спрашиваешь об этом? Тебе ли учиться у Аулэ?

Йаванна прислушалась к своему внутреннему голосу и сказала так:

– Могучий Манвэ, тревожат меня думы о грядущем. Мне дороги все мои создания. Мелькор и без того извратил слишком многое... Ужели ничто из сотворенного мной недостойно свободы?

– Хорошо, – молвил Манвэ, – что из твоих созданий желала бы ты сохранить? Которые из них милее твоему сердцу?

– И те и эти, – быстро отвечала Йаванна. – Они хороши вместе. Но если *кэлвар* могут постоять за себя или убежать, то *олвар* – те, что растут – беспомощны перед чужой волей. Но милее всех мне деревья. Медленно растут они, а умрут быстро, и, если не приносили они богатых плодов, никто не пожалеет об их уходе. Я провижу это в своих думах. Вот если бы деревья могли говорить от имени всего, растущего на Арде, и карать тех, кто поднимет руку на них...

– Странные слова, – покачал головой Манвэ.

– Но именно так было в моей Песне, – горячо воскликнула Йаванна. – Покуда вы с Ульмо создавали тучи и проливали дожди, я возносила навстречу им ветви деревьев. Ветра и ливни заглушали их негромкий голос, но и они возносили хвалу Эру.

В глубоком молчании созерцал Манвэ думы Йаванны, сомнения переполняли его. Не укрылось это от Илуватара. И вот показалось Манвэ, что вокруг зазвучала Музыка, он вслушался в знакомые звуки, но теперь различил в них много новых оттенков. Вновь открылось ему Видение. Образы его были не так яркие, как в первый раз, но теперь Манвэ видел в нем и самого себя, а главное – видел отчетливо, что все в мире держится волей Илуватара. Видел

он, как рука Творца проникла в мир, видел, как вышли из руки его многие чудеса, скрытые от Манвэ доселе в сердцах Айнуров...

Очнулся Манвэ, спустился к Йаванне на Эзеллохар, сел рядом с ней под кронами Двух Дерев. И так сказал Манвэ:

– О, Кементари, выслушай слово Эру: «Ужели думают Валары, что я не слышал всей Музыки? До самого слабого звука самого слабого голоса? Так знайте: когда настанет час пробуждения для моих детей, сбудутся и чаяния Йаванны. Издалека соберутся духи и войдут в кэлвар и олвар и будут жить в некоторых из них. И дети мои будут почитать их и страшиться их праведного гнева. Так будет, пока сильны Перворожденные, а Пришедшие Следом молоды». Видно, забыла ты, о Кементари, – говорил Манвэ, – что в Музыке звучали не только твои помыслы. Не единожды встречались они с моими, и тогда взлетали звуки подобно огромным птицам, парящим над облаками. И это услышано Илуватаром. Уже теперь, до пробуждения Перворожденных, придут в мир на крыльях ветра Орлы Властителей Запада.

Радостно встала Йаванна, воздела руки к небесам и воскликнула:

– Ввысь тянуться деревьям Кементари! Да будет высоким жилище Орлов!

Поднялся Манвэ. Казалось, голос его звучит из заоблачных высей:

– Нет, Йаванна, – сказал он, – для Орлов достаточно высоки будут только деревья, выращенные Аулэ. В горах станут селиться Орлы и оттуда будут внимать призывам, обращенным к нам. А в твоих лесах будут бродить Пастыри Деревьев.

На этом расстались Манвэ и Йаванна. Она вернулась в кузницу Аулэ, где он разливал по формам расплавленный металл.

– Предупреди своих детей, – сказала ему Йаванна, – ибо отныне милостью Эру в лесах они могут встретиться с силой, чей гнев я бы не советовала им будить.

– Но им же все равно нужно будет дерево, – пожал плечами Аулэ и вернулся к своему горну.

Глава III Появление эльфов и пленение Мелькора

При свете Дерев за горами Амана летели века блаженной жизни Валаров. Среднеземье по-прежнему лежало под звездами, объятые плотным сумраком. Во времена Светочей здесь кипела жизнь, теперь же во мраке ничего не росло. Но в морях колыхались гигантские водоросли, а на суше – тени огромных деревьев. В долинах, в холмах, окутанных мраком, таились древние и злобные твари. Редко кто из Валаров заходил сюда. Только Йаванна бродила иногда по лесам и долам, печалась о таком конце весны Арды. Многие из рожденного тогда погрузила она в сон до срока, и растения ждали грядущих веков, не старея и не умирая.

На дальнем севере бодрствовал Мелькор. Он копил и копил силы, и темные, спящие леса наполнялись чудищами и нежитью. В Утумно собирались толпы демонов из тех, что соблазнились во дни славы Мелькора и теперь мало чем отличались от него. Багровый пламень заменял им сердца, страх волнами расходился от них, а мрак служил одеянием. Много позже в Среднеземье их стали звать барлогами. Множество жутких форм родилось из тьмы Мелькора, долго они тревожили мир. Росли границы темных владений, постепенно отодвигаясь все дальше к югу. Мелькор воздвиг еще одну крепость с обширным арсеналом на берегу моря, на северо-западе. Она должна была отразить натиск Валаров, если бы они решили начать войну. Крепость звалась Ангбанд, а правил там наместник Мелькора – Саурон.

* * *

Вести, приносимые из покинутых земель Йаванной и Оромэ, заставили Валаров собрать Совет. На нем говорила Йаванна:

– Силы Арды! Кратким было Виденье Илуватара, и теперь мы едва ли угадаем в быстрой чередой дней Назначенный Час. Но будьте уверены: он близится. В этом веке время исполнения наших надежд, время пробуждения Перворожденных. Ужели прийти им на бесплодные земли? Ужели бродить во тьме, в окружении чудовищ, когда мы сами наслаждаемся светом? Ужели принять им власть Мелькора, когда Манвэ восседает на Таниквэтил?

И вскричал пылкий Тулкас:

– Нет! Не бывать этому! Довольно отдыхали мы, довольно восстанавливали силы. Один противостоит всем! Чего ждем мы и почему не начинаем праведную войну?

Манвэ повелел, и молчаливый Мандос произнес:

– Истинно, в этом веке ждать нам прихода Детей Илуватара. Но не сейчас. Им суждено пробудиться во мраке и первый взгляд обратить к звездам. Узрев звезды, будут они во все века взывать в нужде к Варде, Возжигательнице Звезд. А с приходом яркого света начнется закат Перворожденных.

При этих словах покинула Варда Совет и с высоты Таниквэтил окинула взглядом тьму Среднеземья, едва освещенного далекими, тусклыми звездами. И тогда подвиглась Варда на

труд, равного которому не было среди дел Валаров. Из серебряной росы Телперииона начала она создавать к приходу Перворожденных новые, яркие и чистые звезды, и за то имя ей на языке эльфов – Элентари, Королева Звезд. Создала она Карнил и Луиниль, Ненар и Лумбар, Алькарниквэ и Элеммире, а множество древних звезд собрала вместе и расположила на небе Арды заново: были там Вильварин, Телумендил, Соронумэ и Анарримэ. Предвестником Последней Битвы, предначертанной в конце Дней, встал над горизонтом Менельмакар в блистающем поясе. А высоко на севере, бросая вызов Мелькору, поместила она корону из семи ярких звезд – Валакирку, Серп Валаров и знак рока.

Говорят, что в час, когда завершился долгий труд Варды, когда Менельмакар впервые шагнул в небо, когда вспыхнул над гранью мира синий огонь Хэллуина, – в этот самый час пробудились Перворожденные. На берегах спящего озера Куивиэнен, отражавшего свет новых звезд, очнулись от сна Дети Илуватара и молча жили у тихих вод, не отрывая глаз от звездного света. С той поры Небесные Огни милее всего для эльфов, а первой среди Валаров почитают они Варду.

С тех пор не раз изменялся облик морей и земель, реки покидали прежние русла ради новых, горы меняли свои очертания, и теперь уже нет возврата к берегам Куивиэнен. Но в памяти эльфов место священного озера – на северо-востоке Среднеземья. Когда-то плескалось там Внутреннее Море Хелкар, ложе которого рождено падением Иллуина, Столпа Света, поверженного Мелькором. Тогда в огромную впадину хлынули воды с окрестных мест и стали морским заливом. Поэтому первым светом для эльфов стали звезды, а первыми звуками мира – плеск и шорох вечно бегущих волн.

Долго жили эльфы в своем первом доме у воды под звездами, бродили, удивленные, по земле. Со временем они научились говорить и стали давать имена всему, что видели. Себя они именовали Квэнди, «Те, кто говорит», ибо не было вокруг других существ, способных произносить слова и складывать их в песни.

Случилось раз Оромэ заехать далеко на восток. У побережья Внутреннего Моря он повернул на север, к подножию Восточных гор. Внезапно заржал его Нахар и остановился как вкопанный. Прислушался Оромэ и с удивлением различил в подзвездной тишине доносившиеся издали звуки песни.

Так Валары, как бы случайно, нашли долгожданных гостей. Оромэ тогда первым увидел эльфов, увидел и изумился: странным, дивным и неожиданным показался ему облик Детей Илуватара.

Так уж суждено Валарам: что бы ни звучало в Музыке, что бы ни предсказано было Видением, каждый раз новое будет казаться им неожиданным и странным.

В те времена Старшие Дети Илуватара были сильнее и выше теперешних эльфов, но красота их и поныне не померкла, ибо была совершенным созданием Илуватара. Долгая жизнь на Западе, печаль и мудрость только углубили ее сияние.

Оромэ сразу полюбил Квэнди и дал им другое имя на их собственном языке: Эльдары, Звездный Народ. Позже так стали зваться те, кто последовал за Оромэ на Запад.

Но тогда, в первый раз, Квэнди испугались Оромэ, и здесь не обошлось без Мелькора. Много позже Мудрые поняли, что Мелькор первым узнал о пробуждении Квэнди и тогда же приказал призракам и злым духам следить за ними. Если эльфы уходили поодиночке или даже небольшими группами от берегов озера, они пропадали бесследно, и больше никто и никогда не видел их. Квэнди говорили, что ушедшие попадались в руки Охотнику. В древнейших эльфийских песнях упоминаются призрачные тени, бродившие в холмах вокруг Куивиэнен, – иногда они затмевали звезды. И еще пелось в них о Темном Всаднике на диком коне. Он будто бы преследовал и пожирал неосторожных. Мелькор так ненавидел и боялся Оромэ, что посылал своих демонов в его облике пугать эльфов, распускал о нем лживые слухи, лишь бы отвратить сердца Квэнди от Оромэ при встрече.

Поэтому, когда Нахар заржал и остановился, а Квэнди узрели могучего всадника, одни из них попрятались, другие бросились бежать и не нашли дороги назад. Но самые смелые остались и скоро поняли, что Великий Всадник перед ними – не призрак из тьмы. На его прекрасном челе сиял свет Амана, и благороднейшие из эльфов потянулись к нему.

Мало что известно о судьбах тех несчастных, которые попали в руки Мелькора. Кто из живущих спускался в подземелья Утумно? Кто проник во мрак дум Мелькора? По словам Мудрых, Мелькор собрал своих пленников в подземельях Утумно и постепенно жестокостью и чарами сумел подчинить себе, извратить их сущность. Так, в насмешку над эльфами, а больше – из зависти к ним, вывел он отвратительных орков, ставших потом злейшими врагами Первородженных. Орки живут и множатся, как и Дети Илуватара, ведь даже подобия жизни так и не удалось создать Мелькору со времен его восстания в Айнулиндалэ, Музыкае Айнууров. Поэтому на дне темных душ орков тлеет ненависть к своему господину, ибо он повинен в их уродстве, и только из страха сохраняют они ему верность. Пожалуй, это – самое отвратительное из дел Мелькора, и самое ненавистное Творцу.

* * *

Оромэ недолго пробыл у Квэнди. Он вернулся в Валинор с радостной вестью, но рассказал и о призраках, нарушающих покой Куивиэнен. Велика была радость Валаров, однако к ней примешивалась и тревога. Долго обсуждали они, как оградить Квэнди от мрака Мелькора. Оромэ тем временем снова вернулся в Среднеземье и поселился с эльфами.

Манвэ в глубоких раздумьях долго сидел на Таниквэтил, обращаясь за советом к Илуватару. Наконец, спустившись в Валинор, Манвэ созвал Валаров в Круг Судеб. Даже Ульмо пришел на Совет из пучин Внешнего Океана.

Вот слова Манвэ на Совете:

– Илуватар вложил в мое сердце решимость восстановить нашу власть на Арде и любой ценой избавить Квэнди от тлетворного мрака Мелькора.

Тулкас был несказанно рад, а вот Аулэ опечалился. Предвидел он жестокие раны, которые нанесет миру эта битва.

Валары выступили из Амана на штурм крепостей Мелькора. Никогда впоследствии не забывал Мелькор, что война эта началась из-за эльфов, и из-за эльфов потерпел он в ней поражение. Но сами эльфы не участвовали в битве. Они не сохранили даже памяти о тех днях, когда могучие Всадники Запада сражались за их будущее.

Первые сражения развернулись на северо-западе Среднеземья, и весь тот край был разрушен. Однако войска Валаров быстро сломали сопротивление темных сил и отбросили их к Утумно. Затем Валары пересекли Среднеземье и прежде всего выставили охрану у берегов Куивиэнен. Квэнди даже не ведали о великой Битве Сил, они запомнили только, как тряслась и стонала земля, как огромные волны обрушивались на берег, а на севере непрерывно полыхали зарницы. Долгой и трудной была осада Утумно, жаркие бои шли на подступах к крепости. Именно в это время изменился облик Среднеземья: великое Западное Море стало намного шире, оно затопило побережье и образовало на юге глубокий залив. Берега изрезали бухты и фьорды, особенно на севере, там, где сближаются земли Амана и Среднеземья. Самый большой из заливов, Балар, принял в себя воды Сириона, текущего с появившихся плоскогорий Дортониона и гор, окружавших Хитлум. Весь север пришел в запустение. В подземельях Утумно бушевал огонь, а верхние ярусы заполняли рати прислужников Мелькора.

Нелегкой была эта битва. Но в конце концов пали ворота Утумно, обнажились ее подземелья, а Мелькор попытался укрыться на дне глубокой ямы. Тогда вышел Тулкас, сильнейший среди Валаров, вызвал Мелькора на поединок и одолел его, повергнув ниц. Так был пленен

Темный Властелин. Аулэ изготовил цепь Ангэнор, ею сковали Мелькора. Только после этого в мире воцарился покой.

В радости победы Валары не стали обыскивать всех подвалов и тайных подземелий Ангбанда и Утумно – и напрасно. В них пряталось множество лиходейских тварей. Другие бежали, укрылись среди темных пустошей и затаились до времени. Саурана Валары тоже не нашли. Когда окончилась битва, а над разрушенным севером еще клубились, закрывая звезды, тучи пыли и пепла, Мелькора с завязанными глазами, в оковах доставили в Валинор. Там в Кругу Судеб он униженно молил Манвэ о прощении, но прощения не получил, а был брошен в темницу во владениях Мандоса. На крайнем западе Амана выстроена она, и ни Валар, ни эльф, ни смертный не смогли бы вырваться оттуда на волю. Там должен был провести Мелькор три долгих века, прежде чем снова предстать перед судом Валаров.

А Валары опять собрались на Совет. Мнения разделились. Многие, и прежде всего Ульмо, предлагали оставить Квэнди в Среднеземье, дав им возможность своим трудом привести земли в порядок и залечить их раны, но большинство опасалось оставлять Детей Илуватара в полном опасностей мире, освещенном лишь светом звезд. К тому же красота эльфов очаровала Валаров, и они не хотели расставаться с ними надолго. На Совете решили переселить Квэнди в Валинор, чтобы отныне жили они при Валарах в свете Дерев. Даже Мандос нарушил молчание, молвив: «Быть по сему». Спустя века решение это привело ко многим бедам.

Однако эльфы не сразу приняли предложение прибыть в Валинор. Первое их знакомство с Валарами состоялось во время войны, а вид разгневанных Владык едва ли мог внушать какие-нибудь другие чувства, кроме ужаса. Только Оромэ, которого эльфы знали и веселым, и добрым, и мудрым, не пугал их. Поэтому именно ему выпало вновь отправиться к берегам Куивиэнэн с новым предложением: прибыть в Валинор выборным от родов эльфов. С Валаром отправились Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, впоследствии ставшие королями эльфийского народа. В Амане они с благоговением узрели величие и мощь Валаров и страстно возжелали света и красоты Дерев. Когда Оромэ доставил их обратно, они горячо ратовали за немедленное переселение в благословенную землю.

С этого времени единый дотоле народ разделился. Род Ингвэ и многие из родов Финвэ и Эльвэ вняли призывам и решили следовать за Оромэ. С тех самых пор и поныне называют их Эльдарами, тем именем, что дал Оромэ вначале всем эльфам. Но многие предпочли свет звезд и знакомые просторы Среднеземья восторженным рассказам о неизвестной земле. Аварии стало их имя – «Те, кто отказался». Прошли века и века, прежде чем двум этим эльфийским народам суждено было встретиться вновь.

Эльдара начали Великий Поход тремя отрядами. Первым выступил немногочисленный народ Ингвэ. Они благополучно прибыли в Валинор и с тех пор пребывают у ног Стихий, а все эльфы чтут имя Ингвэ, Пришедшего Первым. Путь его к свету Валинора был прям, и ни разу не оглянулся Ингвэ на оставленное Среднеземье. Народ Ингвэ – Ваниары, Дивные Эльфы – особенно полюбился Манвэ и Варде. Немногим из людей доводилось встречаться и говорить с ними.

Следом за Ингвэ тронулись Нолдоры, род Финвэ. Это Премудрые Эльфы, друзья Аулэ. Много песен сложено о Нолдорах, об их великих трудах и тяжелых сражениях в северных землях.

Последними двинулись Тэлери, и шли долго. Тэлери всегда тянуло к воде, и, когда, в конце концов, они вышли к западному побережью, море очаровало их. В землях Амана имя им – Фалмари, Морские Эльфы. Так назвали их Валары, когда увидели поющими и танцующими на фоне бушующих волн. Народ Фалмари был многочислен и управлялся двумя правителями: Эльвэ Сребромантом и его братом Ольвэ.

Эти три народа пришли на Заокраинный Запад во времена Дерев, поэтому общее их название – Калаквэнди, Эльфы Света. Но не всем Эльдарам, вышедшим из Среднеземья, дове-

лось узреть сияние Телперiona. Многие рассеялись в пути, а многие остались на берегах Среднеземья. В основном это были Тэлери. Они расселились по взморью, бродили в лесах и в горах, но чаяния их были обращены к Западу. Калаквэнди зовут их Уманиарами. Так и не достигшие Амана, Уманиары вместе с Аварии получили в веках имя Мориквэнди, Ночные Эльфы, ибо никогда не видели Света, что был до прихода Луны и Солнца.

Пути первых, отправившихся на Запад, были проложены Оромэ. Он вел их в обход моря Хелкар, а потом повернул на запад. На севере остались руины недавней войны, над ними клубился плотный мрак, сквозь который не пробивался звездный свет. Некоторые из эльфов устали и повернули назад. Ныне они забыты.

Долго шли Эльдары на Запад; немеряны лиги Среднеземья и утомительно бездорожье. Да Эльдары и сами не хотели спешить. Они шли, с любопытством озираясь по сторонам и подолгу задерживаясь то возле неизвестной речки, то в просторных долинах. Нет, их желание прийти в Аман не ослабело, но пока путь к цели был для Эльдаров дороже и интересней самой цели, а окончание пути скорее пугало, чем радовало. Поэтому, если Оромэ отвлекали дела и он покидал отряд, эльфы останавливались, и, вернувшись, он находил их там, где оставил. Сейчас уже не вспомнить, сколько лет они были в пути, когда дорогу им преградила огромная река. Она была шире всех, виденных Эльдарами. За рекой вздымались к небу горы. Казалось, их вершины достигают звезд. Говорят, это была та самая река, что потом была названа Андуин Великий. Она стала границей западных областей Среднеземья. А горы (когда-то их воздвиг Мелькор, преграждая путь Оромэ) звались Мглистые Башни на Рубежах Эриадора. Намного позже, в Третью Эпоху, имя им стало Мглистые горы. В те годы были они еще страшнее и выше, чем теперь.

Тэлери надолго обосновались на восточном берегу реки, а Ваниары и Нолдоры переправились на другой берег и вслед за Оромэ прошли через перевалы. Тэлери же, когда скрылся из глаз Оромэ, взглянули на мрачные вершины, и сердца их сжал страх. Тогда Ленвэ из рода Ольвэ отвернулся от пути на запад и ушел с небольшим отрядом. Долгие годы об этих ушедших никто не слышал. Их называли Нандорами. По прошествии времени они уже ничем не походили на своих былых сородичей, разве что, как и они, тяготели к воде и всегда селились по берегам рек и ручьев. Никто лучше них не знал трав и деревьев, зверей и птиц. Много времени спустя, перед самым появлением Луны, сын Ленвэ Денетор все же увел часть этого народа на запад, в Белерианд.

* * *

Немало времени прошло с начала похода, но в конце концов Ваниары и Нолдоры перешли через Эред Луин, Синие горы, разделявшие Эриадор и крайний запад Среднеземья (именно эти земли эльфы называли Белериандом), миновали долину Сириона и вышли к берегам Великого Моря между Дренгистом и заливом Балар. Безбрежная водная гладь повергла их в изумление, даже испугала, и в растерянности они отступили назад, в леса и нагорья Белерианда. Оромэ вынужден был оставить их, вернуться в Валинор и просить совета у Манвэ.

Тем временем Тэлери тоже пересекли Мглистые горы, миновали обширные долины Эриадора и шли дальше. Эльвэ Сребромант торопил их, он не мог забыть свет Валинора и всей душой стремился в землю обетованную. Кроме того, предводитель Нолдоров Финвэ был ему большим другом, и Эльвэ не хотел отставать от него надолго. Так и Тэлери, вслед за Ваниарами и Нолдорами, вступили, наконец, в восточные области Белерианда. Здесь они остановились и некоторое время жили на берегах реки Гелион.

Глава IV Тингол и Мелиан

Майа Мелиан жила в садах Лориена. Не было среди Майа равных Мелиан в красоте, мудрости и в искусстве Заклинательных Песен. Когда в час общего света пела Мелиан, все стихало вокруг. Валары оставляли свои труды, птицы переставали щебетать, замолкали колокола, а фонтаны никли и приглушали свой звонкий голос. Это Мелиан научила соловьев их песням, и они всегда сопровождали ее веселой стайкой. До создания мира не уступала Мелиан самой Йаванне и была ей первой помощницей. Когда у тихих вод Куивиэнен пробудились Дети Илуватара, Мелиан оставила Валинор и пошла в Покинутые Земли. С ее приходом тишина предрассветного Среднеземья кончилась, и воздух зазвенел от песен Мелиан и от щебета ее птиц.

Сказано, что перед завершением похода Тэлери надолго остановились в Восточном Белерианде на берегах Гелиона. Нолдоры жили дальше к западу, в лесах, названных позднее Нэлдорет и Регион, и Эльвэ часто пробирался через дремучие дебри навестить своего друга Финвэ. И вот однажды он шел под звездами и вдруг услышал громкое соловьиное пенье. Он застыл, расслышав за соловьиными трелями дивные звуки песни, которую пела вдаль Мелиан. Эльвэ забыл, кто он и откуда, забыл о великой цели похода. Словно во сне, шел он за птичьими головами, уходя все глубже в лес, заблудился и не заметил этого и вышел на поляну под яркими звездами. Там Эльвэ увидел Мелиан. Темнота словно бежала от прекрасной Майа, а лицо ее сияло несравненным светом Амана.

В молчании Эльвэ приблизился, как в забытии, взял Мелиан за руку, и в тот же миг Любовь поразила их. Бессчетные годы стояли они так; звезды водили хороводы у них над головами, и поднялись ввысь деревья Нан Эльмута, прежде чем они заговорили.

Тэлери искали и не могли сыскать своего предводителя. Любовь остановила Эльвэ Среброманта на пути в Аман, Любовь задержала до срока возвращение Мелиан в Благословенный Край, и так было, пока длился их союз в Среднеземье. От этой Любви протянулась к эльфам и людям нить от Айнуров, бывших с Илуватаром до создания Эа.

Эльвэ долгие годы во славе правил эльфами Белерианда. Они получили прозвание Синдары, Серые или Сумеречные Эльфы, а Эльвэ принял имя Владыки Среброманта – Элу Тингол на языке Синдаров. Наделенная нездешней мудростью Майа Мелиан разделила правление с мужем. В подземных чертогах Менегрота, Дворца Тысячи Пещер, жили Владыки Дориата. Мелиан дала Тинголу небывалое могущество, но была и другая причина величайшего почета, оказанного правителю его народом: Эльвэ, единственный из Синдаров, видел Светоносные Деревья во дни их цветения. Поэтому он, Владыка Сумеречных Эльфов, сам причислен к Эльфам Света.

От любви Тингола и Мелиан в мир пришла та, прекрасней которой среди Детей Илуватара нет, не было и не будет.

Глава V Эльдамар и князя Эльдалиэ

Ваниары и Нолдоры подошли к западной оконечности Внешних Земель. В те древнейшие дни после Битвы Сил побережье, чем ближе к северу, тем больше изгибалось на запад, так что на крайнем севере берег обрывался узким проливом. За ним на горизонте лежали земли Амана. В этих стылых краях царили лютые морозы Мелькора, и весь пролив был забит нагромождением ледяных торосов. Оромэ повернул на юг к приречным лугам Сириона; позже места эти получили название Белерианда. Отсюда в страхе и удивлении смотрели эльфы на безбрежный океан. Долго стояли они на берегу, словно ждали чего-то, и с тревогой вглядывались в темные волны.

По решению Валаров, Эльдаров встретил на побережье Ульмо. Голос Владыки Вод и звуки его дивных раковин совершили чудную перемену в душах Эльдаров: они излечились от страха перед морем и полюбили его...

Ульмо вырвал с корнем остров, служивший когда-то основанием Иллуина, и перегнал его в залив Балар. Ваниары и Нолдоры бестрепетно взошли на этот необычный корабль, пересекли на нем море и наконец вступили на земли Амана. В Валиноре их ожидала радостная встреча.

Когда остров-корабль отправлялся в путь, его восточная оконечность застряла на мелководье против устья Сириона, откололась и осталась в заливе. Так возник остров Балар, излюбленное место отдыха Оссэ.

Тэлери все еще жили на востоке Белерианда, вдали от моря. Они не слышали сладкозвучных рогов Ульмо, не вняли призыву Валаров, потому что были заняты поисками Эльвэ. Возглавил народ брат Тингола, Ольвэ. Только когда до Тэлери дошла весть об уходе Ингвэ и Финвэ, они тронулись в путь, но вышли к побережью слишком поздно. Тэлери расселились в устье Сириона и долго жили там, тоскуя по ушедшим друзьям. Тогда и завязалась их дружба с Оссэ и Уинен, могучими Майа, помощниками Ульмо. Оссэ научил Тэлери понимать голоса моря и слагать песни, созвучные его вечному покою. Тэлери и раньше любили воду, и прежде слыли среди эльфов лучшими певцами, а теперь песни их вобрали в себя мудрость Майа, очарование морских просторов и мерный ритм прибоя.

Так минули годы. Финвэ много раз просил Ульмо перевезти в Аман оставших собратьев. Нолдоры были уверены, что Тэлери хотят этого. Ульмо согласился. Тэлери действительно стремились к воссоединению, но, вернувшись за оставшимися на берега Белерианда, Ульмо очень огорчил Оссэ. Вотчиной Оссэ были моря Среднеземья и побережья Внешних Земель, их так оживляли смех и песни Тэлери! Некоторых Оссэ уговорил остаться. Имя им стало Фалатримы, Эльфы Фаласа. Позже они перебрались в гавани Бритумбара и Эглареста. Слава лучших мореходов заслуженно принадлежит этому небольшому народу, правит которым Кирдэн Корабел.

Родичи и друзья Эльвэ все еще оставались в Среднеземье, хотя их и влекла к себе Благословенная Земля. Наконец Ольвэ счел дальнейшее ожидание напрасным, и большая часть Тэлери отправилась в Валинор на острове Ульмо. Оставшиеся друзья Эльвэ назвали себя Эглаф, Забытый Народ. Вид моря вызывал у них тоску по несбывшимся мечтам, поэтому они отошли вглубь Белерианда и расселились в его холмах и лесах. Но об Аманы не забыли.

Когда Эльвэ очнулся, они с Мелиан покинули Нан Эльмут, но остались жить в этом лесном краю. Свет Аманы, озарявший Мелиан, заменил Эльвэ желанный свет Дерев Валинора. Он встретился со своими родичами и друзьями, а те не могли поверить глазам: Эльвэ и прежде выделялся среди Эльдаров красотой и благородством, теперь же он походил на прекрасных Майа: светлейший из Детей Илуватара, с волосами цвета лунного серебра, он был достоин высокой судьбы, и она не миновала его.

Оссэ сопровождал плавучий остров с Тэлери, и, когда он величественно входил в залив Эльдамар, Оссэ запел. Тэлери узнали его по голосу и стали просить остановиться. Ульмо, хорошо понимавший души Тэлери (ведь это он на Совете возражал против великого переселения), разрешил Оссэ остановить остров и закрепить его на груди моря. Это не могло обрадовать Валаров, опечалился и Финвэ, узнав, что Тэлери не пришли и увидеться с Эльвэ он сможет теперь только в чертогах Мандоса. Но остров-корабль незыблемо стоял в заливе Эльдамар. Отныне он назывался Тол Эрессэ, Одинокий Остров. Тэлери жили так, как хотели: под любезным им звездным сводом и поблизости от Благословенного Края. Со временем язык, на котором говорил народ Одинокого Острова, претерпел значительные изменения и уже ничем не походил на язык Ваниаров и Нолдоров, живших теперь в Валиноре. Но в Дивном Свете Дерев они тосковали по звездам. Конечно, это не укрылось от Валаров. В гигантской стене Пелоров был сделан проход, в глубокой приморской долине насыпали высокий холм и назвали его – Туна. С запада его освещал свет Дерев, а далеко на востоке виднелся Одинокий Остров. Дальше лежали хмурые Затененные Моря. Через Канал Света, Калакирю, на волны залива пал отсвет Благословенного Края. Серебром и золотом заискрились темные воды Эльдамара, свет коснулся Одинокого Острова, и его западный берег превратился в вечно зеленеющий сад. Цветы, распустившиеся там, были первыми, расцветшими восточнее гор Аманы.

На вершине Туны к небу поднялись белые стены и башни Тириона, первого города эльфов. Надо всеми постройками высился маяк Ингвэ, Миндон Эльдалиэва. Его яркий свет виден был из туманных морских далей. Мало кому из Смертных привелось увидеть этот тонкий серебристый луч...

Долго жили Ваниары и Нолдоры в прекрасном Тирионе. Изю всех чудес Валинора самым дорогим стало для них Белое Дерево, и Йаванна вырастила в Тирионе другое. Синдары назвали дерево Галатилион, оно во всем было подобно Телперioniу, только не светилось. Но оно так же цвело, и в Эльдамаре хранилось множество его семян. Одно из них проросло на Тол Эрессэа, в назначенный срок его отдаленным потомком стало Белое Дерево Нуменора.

Манвэ и Варда больше любили Ваниаров, Пресветлых Эльфов, а вот Аулэ связывала крепкая дружба с Нолдорами. Он часто навещал Премудрых Эльфов, и от этих встреч знания и умение Нолдоров возросли необычайно, но жажда познания не утихала. Они оказались способными учениками и кое в чем сумели даже превзойти учителей. Их язык часто менялся. Они любили слова и стремились для всего найти самые точные названия.

Однажды каменщики из рода Финвэ, славившиеся искусством возведения высоких ажурных башен, добывая в горах камень, нашли алмазы. Очень скоро появились инструменты для обработки этих замечательных камней, и среди Нолдоров нашлись подлинно непревзойденные мастера-гранильщики. Из их рук выходили бриллианты дивных, неповторимых форм. Никому не приходило в голову копить их, и скоро бриллиант стал традиционным подарком в Валиноре.

Повесть эта посвящена в основном делам Премудрых Эльфов, ведь именно они вернулись потом в Среднеземье. Поэтому надо рассказать о правителях этого народа.

Первым был правитель Нолдоров Финвэ. Его сыновья: Феанор, Финголфин и Финарфин. Но если мать Феанора была Мириэль Сириндаэ, то братья Финголфин и Финарфин рождены от Индис из народа Ваниаров.

Феанор был самым одаренным из братьев. Беспокойный, огненный дух отличал его. Силой, доблестью и стойкостью славился Финголфин. Мудростью и красотой был отмечен Финарфин. Через годы он стал большим другом сыновей Ольвэ, правителя Тэлери, и женился на его дочери Эарвен, Деве-Лебеди из Альквалондэ.

Семь сыновей было у Феанора: Маэдрос Высокий, Мэглор Певец, Келегорм Светлый и Карантир Темный, Карафин Искусный и младшие – Амрод и Амрос, близнецы телом и душой, которые по возвращению в Среднеземье стали знаменитыми охотниками, как и их старший брат Келегорм, часто сопровождавший в Валиноре Оромэ.

Сыновьями Финголфина были Фингон, ставший впоследствии королем северных Нолдоров, и Тургон, владыка Гондолина. Их младшая сестра, Аредель Светлая, выросла прекрасной, высокой и сильной девой-охотницей и подолгу пропадала в лесах с братьями и сыновьями Феанора. Никому не отдавала она предпочтения и звалась Ар-Фэйниэль, Светлая Дева Нолдоров. Темноволосая, с кожей необычайной белизны, она всегда одевалась в белое с серебром.

Четверо сыновей Финарфина: Финрод, прозванный потом Фелагундом, Владыкой Пещер, Ородреф, Ангрод и Аэгнор, были дружны с сыновьями Финголфина, как с родными братьями. В роду Финвэ не было девы прекрасней их сестры, Галадриэль; ее дивные золотые волосы словно вобрали в себя свет Лаурелина.

Теперь надо сказать о том, как Тэлери пришли наконец в земли Амана. Веками жили они на Тол Эрессэа и веками их души тянулись к свету, струящемуся из-за моря к берегам Одинокого Острова. Долго выбирали они и не могли выбрать между любовью к морю и любовью к своему народу и свету Валинора. Победило стремление к свету. Ульмо, покорный воле Вала-ров, послал за Тэлери их друга Оссэ. Скрепя сердце, Оссэ научил народ Тэлери строить замечательные корабли, а когда флот был готов, прощальным даром Оссэ стали огромные, белые, как снег, лебеди, повлекшие корабли Тэлери к берегам Эльдамара. Так Тэлери, последними из эльфов, пришли в Благословенную Землю. Теперь они могли сколько угодно любоваться светом Дерев, гулять по золотым улицам Валимара или по хрустальным ступеням Тириона. Часто на своих быстрых судах бороздили они воды залива или бродили в пенном прибое по берегу. Нолдоры подарили им множество опалов, алмазов и горного хрусталя, и Тэлери с любовью устилали сверкающими камнями берега и дно озер и ручьев. Они сами добывали жемчуг и

украшали им свои жилища. Это они убрали жемчугами покои Ольвэ в Альквалондэ, Леб-жей Гавани, освещенной множеством разноцветных фонарей. Здесь жили они, здесь строили корабли, похожие на белых лебедей с золотыми клювами и глазами из темного янтаря. Городскими воротами служила арка, проделанная морем прямо в скале.

Гавань лежала на севере Калакирьи, на границе Эльдамара; звезды ярко и чисто сверкали над ней.

Проходили века, и любовь Ваниаров к Благословенной Земле и дивному свету Дерев становилась все сильнее. Они покинули Тирион и переселились на склоны Таниквэтил, поближе к Манвэ. Нолдоры, не забывшие звезд Среднеземья, жили в горах и долинах или на склонах Калакирьи, внимали отдаленному рокоту Западного Моря и свободно бродили по землям Валаров в поисках знаний о живой природе. В те дни они сблизились с моряками Альквалондэ. Нолдорами правил Финвэ, Тэлери – Ольвэ, но Верховным Владыкой Эльфов называли Ингвэ. Теперь он почти не покидал Таниквэтил, всегда пребывая рядом с Манвэ.

У Феанора с сыновьями не было постоянного пристанища. В поисках непознанного они уходили к границам света, к холодным берегам Внешнего Моря, часто гостили в чертогах Аулэ, собирая знания обо всем на свете. Келегорм подружился с Оромэ и перенял у него удивительную способность понимать живую природу. Он понимал голоса деревьев, знал языки зверей и птиц; множество их обитало на землях Амана, таких же, как в Среднеземье, но никогда не знавших черной власти Мелькора. Впрочем, немало здесь было и таких существ, которых в Среднеземье никогда не видели и уже не увидят, ибо мир с тех пор изменился неузнаваемо.

Глава VI Феанор и освобождение Мелькора

Свершилось то, чего хотели Валары. Все три народа Эльдаров жили в Валиноре, Мелькор пребывал в заточении, мир царил повсюду. Настал золотой день Благословенного Края. Долог он в повести Лет, но краток в памяти Вечных. Это было время расцвета Эльдаров. Нолдоры преуспели в знаниях и делах, годы были наполнены радостным трудом во славу Валинора. Множество чудесных творений родилось тогда. Нолдоры обрели письменность. Румил из Тириона начертал знаки для записи песен и преданий, одни – для резца и зубила, другие – для пера и кисти.

Именно в это время в Эльдамаре, в семье правителя Финвэ, родился первый и самый любимый сын. При рождении он получил имя Карафинвэ, но мать звала его Феанор, Пламенный Дух. Под этим именем и остался он в сказаниях Нолдоров.

Матерью Феанора была Мириэль. В искусстве шитья и ткаческой работы не было ей равных среди Нолдоров. Радостно и возвышенно любили друг друга Финвэ и Мириэль, ибо встретились в Благословенном Краю в Благие Дни. Но так много отдала Мириэль своему сыну, что ничего не оставила для себя. Сразу после рождения ребенка она позвала Финвэ и сказала так:

– Досточтимый муж мой! Силы жизни, способные произвести на свет многих твоих детей, отдала я одному Феанору. Никогда больше не будет у меня ребенка.

Опечалился Финвэ, ибо во дни юности Нолдоров и в блаженстве Амана хотел видеть свой род многочисленным и процветающим, и так ответил на слова Мириэль:

– В блаженном Амане проходит любая усталость, исцеляется любая боль. Отдохни, и все пройдет.

Но Мириэль день ото дня теряла силы, и Финвэ вынужден был просить совета у Манвэ. Манвэ поручил Мириэль заботам Ирмо в Лориене. Печальным (хоть и недолгим, как думалось) было расставание Финвэ и Мириэль. Отец сожалел, что детство сына пройдет без материнской ласки.

– Да, это жаль, – промолвила Мириэль, – и будь у меня чуть больше сил, я пролила бы немало слез. Прости, не моя вина в том, что уже было и еще будет.

И она ушла в сады Лориена, легла на траву, и веки ее смежил сон. Долго лежала она и казалась спящей, хотя дух ее давно пребывал в Чертогах Мандоса. Девы Эстэ ухаживали за нетленным телом Мириэль, но она не вернулась больше. Финвэ, скорбя, часто приходил в сады Лориена, садился под серебристыми ивами возле тела жены и звал ее, но тщетно. Наверное, он был единственным в Благословенном Краю, кто предавался тогда скорби. Но время лечит любую рану, и через годы Финвэ перестал приходить в Лориен. Всю свою нерастрченную любовь он отдавал теперь сыну. Феанор рос быстро, и по временам казалось, что в нем действительно пылает тайный огонь. Высокий, черноволосый, прекрасный собой, с пронзительными ясными глазами, был он настойчив, упорен, порывист и тверд. И какую бы цель ни ставил перед собой, шел к ней, не сворачивая. Мало кто мог поколебать его решимость советом, а уж

силой – никто и никогда. Ни до него, ни после не рождалось среди Нолдоров эльфа талантливее и искусней. Еще в юности улучшил он письма Румила. С тех пор все Эльдары пользовались знаками Феанора. Он первым научился создавать самоцветы крупнее и красивее порожденных земель. Они казались прозрачными, но в свете звезд вспыхивали голубыми и серебряными огнями. Потом он сотворил Палантиры, кристаллы, в которых можно было видеть отдаленные края и предметы так, как видят их из поднебесья Орлы Манвэ. Чудесные руки и острый ум Феанора никогда не знали покоя.

Еще юношей он женился на Нерданель, дочери прославленного кузнеца Махатана, любимого ученика и помощника Аулэ. У него учился Феанор работе с металлом. Нерданель в твердости характера не уступала Феанору, но терпением и стремлением понимать, а не подчинять ей удавалось поначалу сдерживать мужа, когда его внутреннее пламя разгоралось слишком ярко. Однако поступки Феанора часто печалили Нерданель, и постепенно они охладели друг к другу. Семерых сыновей родила она Феанору, но немногие из них унаследовали характер матери.

Второй женой Финвэ стала Индис Ясная из народа Ваниаров. Она была в родстве с Ингвэ. Высокая, златовласая, она ничем не походила на Мириэль. В этой любви Финвэ снова обрел радость, но память о Мириэль не покидала ни его дома, ни его сердца, и Феанор всегда оставался для него любимцем. Сам Феанор не принял второй жены отца, не расположен он был и к своим сводным братьям – Финголфину и Финарфину. Дома он бывал редко, отдавая все время наукам, ремеслам и путешествиям по землям Амана. Позже многие искали объяснения бедам, виновником которых стал Феанор, в его отношениях с домом отца, полагая, что, если бы Финвэ хранил верность памяти Мириэль и все внимание отдавал сыну, беду можно было бы отвести. Но дети и внуки Индис тоже стяжали себе немалую славу, без них история Эльдаров была бы неполной.

Феанор и другие мастера Нолдоров работали без усталости, работа приносила им радость, а между тем заканчивалось время расцвета Валинора.

Близился к концу определенный Манвэ трехсотлетний срок заключения Мелькора. И вот, как и было обещано, он снова предстал перед судом Валаров. Мелькор узрел величие и благодать Стихий – и зависть охватила его сердце, увидел Детей Илуватара у ног могучих Валаров – и возненавидел их, взглянул на груды драгоценных камней вокруг – и возжелал их, но скрыл свои чувства, ибо понимал, что время для мести пока не пришло.

У ворот Валмара он униженно просил Манвэ о прощении, обещал стать усердным помощником в трудах Валаров, умолял дать ему возможность исправить содеянное зло. Ниэнна тоже просила за него тогда, но Мандос молчал.

Манвэ даровал Мелькору прощение. Однако Валары не доверяли бывшему врагу, и их решением Мелькору определено было не покидать пределов Валмара. За ним внимательно наблюдали – и что же: все, сделанное Мелькором в те дни, казалось правильным и разумным. Он действительно помогал эльфам и Валарам словом и делом и скоро уже свободно ходил по всей стране. Манвэ, благороднейший и благой Манвэ, незнакомый со злом, полагал, что Мелькор исправился. Он помнил давнее величие Мелькора, знал, что Мелькор подобен ему самому в замысле Илуватара, и не видел черных глубин ожесточенного сердца, навсегда покинутого любовью. Но не обманулся в Мелькоре Ульмо, и Тулкас, сжимая кулаки, по-прежнему провожал бывшего врага гневным взглядом. Непросто было вызвать гнев Тулкаса, но, однажды разгневанный, он не забывал ничего. Когда Манвэ вынес свое решение, они подчинились, но лишь потому, что судили бунтовщика и не могли позволить себе уподобляться подсудимому в неправедности.

Никто не вызывал у Мелькора столь страшной ненависти, как прекрасные и радостные Эльдары. В них полагал он причину возвеличивания Валаров и своего падения. Но чем больше он ненавидел их, тем больше выказывал любви и восхищения, стремился заслужить их дружбу

и в любом деле был им первым помощником. Ваниары не доверяли ему: Свет Дерев сделал их почти ясновидящими, а на Тэлери сам Мелькор не обращал внимания, считая их слишком слабыми для исполнения своих замыслов. Зато Нолдоры были в восторге от тайных знаний, которыми Мелькор щедро делился с ними. Находились среди Нолдоров такие, кто с самого начала подпал под обаяние коварных речей врага. Позже Мелькор заявлял, что и Феанор многому научился от него, получая советы в самых главных своих делах, но это явная ложь, ибо никто из эльфов не испытывал к врагу такой открытой неприязни, как Феанор. Именно он первым назвал Мелькора Морготом, Врагом Мира, и, хоть попался в злобные сети, замыслив против Валаров, в учениках Мелькора никогда не был и никаких его советов не принимал. Только пламень собственной души направлял Феанора в трудах. Работал он быстро и всегда один, не прося помощи и не советуясь ни с кем из живущих в Амане, великих или малых, разве что с благоразумной Нерданель, да и то лишь в первое время.

Глава VII Сильмариллы и тревоги нолдоров

Это было время удивительных творений эльфов. Однажды Феанор, овладевший вершинами мастерства, задумался о том, как сохранить славу Благословенного Края – Свет Дерев Йаванны. Возможно, он провидел близость рока, а может быть, решил испытать силы в подлинно великом деле. И вот, собрав все свое знание и умение, он принялся за долгий труд втайне ото всех. А по окончании его в мир явились Сильмариллы.

Феанора нет здесь. Он ушел еще до рождения Солнца и пребывает в чертогах Мандоса, не воплощаясь больше среди своего народа. И покуда не погаснет Солнце и Луна не уйдет с небосвода навеки, не вернется в мир искуснейший из эльфов, и, значит, никому не узнать тайны создания Сильмариллов. Подобные огромным бриллиантам, они были крепче адаманта, и ничто на Арде не способно было разрушить их или замутнить чистую глубину. Сами камни подобны телу Детей Илуватара: оно лишь вместилище внутреннего огня, наполняющего его жизнью. Внутренним пламенем Сильмариллов стал, по замыслу Феанора, благой свет Дерев Йаванны.

Давно умерли Деревья Амана, но жив их свет в непостижимой глубине Сильмариллов. Даже во тьме глубочайшей из сокровищниц сияли они подобно звездам Варды. Они не мертвы. Как живые, любят Сильмариллы свет, вбирают его и изливают в лучах еще более прекрасным.

Такого чуда не видели в Амане; Варда благословила дивные камни. С тех пор любая нечистая рука, коснувшаяся их поверхности, обуглится и отсохнет. Наконец, и Мандос молвил слово. Так узнали, что совершенные творения Феанора заключают в себе судьбы земли, воды и воздуха Арды.

Сам Феанор больше жизни полюбил дело своих рук. Сияние дивных камней лишило покоя и Мелькора. Теперь он думал только об одном: как погубить Феанора, как посеять вражду между Валарами и Перворожденными и завладеть этим величайшем сокровищем. Но до времени прятал он свои замыслы под благообразной личиной и трудился без устали. Поначалу тщетными казались его старания. Но сеятель лжи непременно дождетса всходов и сможет отдохнуть, пока другие будут пожинать урожай. Для коварных речей Мелькора находились и внимательные слушатели, и болтливые языки, разносившие ложь дальше. Тонкая ложь, тайная, она походила на знание, придававшее видимость мудрости словам простодушных. Нолдорам пришлось жестоко поплатиться за свою глупость и доверчивость.

Мелькор искусно привлекал к себе многих. В его умных речах почти все было истинно, почти... Он умел говорить так, что слушатели потом считали его мысли своими собственными. Он смущал Нолдоров видениями бескрайних земель на востоке, которыми они, сильные и свободные, могли бы править по собственному усмотрению. И вот уже поползли слухи, что Валары из зависти привели Квэнди в Аман, они боятся, как бы красота и творческая сила, данная Илуватаром своим Детям, не возвысила эльфов над Валарами, как бы не расселились эльфы по всему лику Арды...

Валарам ведом был грядущий приход людей, но эльфы ничего не знали об этом. Манвэ не спешил посвящать их в планы Эру.

Тогда Мелькор под большим секретом поведал Перворожденным о приходе Смертных. Правда, он и сам почти ничего не знал о людях, ведь тогда, в Довременье, он был слишком увлечен своей музыкой и не вслушивался в Третью Тему Илуватара. И вот эльфы уже говорят, что Манвэ специально держит их в плену, дабы позволить людям прийти и беспрепятственно занять место в Среднеземье. Валарам, дескать, легче покорить и держать в подчинении этот недолговечный народ, а эльфы, по милости людей, лишатся земель, дарованных Илуватаром. Правдой тут и не пахло. Валары не думали подчинять себе людей, однако многие Нолдоры поверили злым наветам, а те, кто не поверил, все же внимательно прислушивались к этой клевете.

Прежде чем Валары заподозрили неладное, мир Валинора был отравлен. Нолдоры начали роптать, гордыня заставляла их забыть, кто дал им знания, от кого получили они в дар искусство высокого труда.

Но сильнее других зажглось жадой свободы и новых земель неукротимое сердце Феанора. Мелькор был доволен: к этому он и стремился, больше всего ненавидя старшего сына Финвэ и подбираясь к Сильмариллам. Но пока они были недостижимы для него. Феанор выносил камни только по праздникам. Тогда они сияли в легком обруче, охватывавшем его высокий лоб.

Остальное время Сильмариллы были скрыты в глубокой сокровищнице Тириона. Ревнивой стала любовь Феанора к камням, он уже прятал их от чужих взоров, позволяя смотреть на них только отцу и сыновьям. Теперь он все реже вспоминал, что свет, заключенный в Сильмариллах, – не его собственность...

Немалым почетом пользовались старшие сыновья Финвэ – Феанор и Финголфин, но возгордились они и, возгордившись, стали оспаривать друг у друга право первенства. Этого случая не мог упустить Мелькор. И вот до Феанора стали доходить слухи о том, что Финголфин с сыновьями задумал лишить власти Финвэ и род Феанора и с ведома Валаров стать владыкой Нолдоров. Валары якобы недовольны тем, что Сильмариллы упрятаны в подвалах Тириона, они хотят завладеть ими. А до Финголфина дошли такие слова: «Будьте настороже! Не жалуется сын Мириэль сыновей Индис. Влияние Феанора растет, отца он уже прибрал к рукам и скоро прогонит вас из Тириона».

Эта двойная ложь особенно удалась Мелькору. Гордость и гнев поднимались в душах Нолдоров, ослепляя их. Тут, опять вовремя, Мелькор завел речь об оружии, и Нолдоры бросились ковать мечи, топоры, копья. Много было изготовлено в то время щитов, украшенных гербами соперничавших родов. Про мечи помалкивали пока, и каждый считал, что об опасности ведомо лишь ему одному.

Феанор на своей тайной кузнице (о ней не знал даже Мелькор) выковал и дивно закалил мечи для себя и сыновей, сделал он и высокие шлемы с алыми гребнями. Не раз пожалел Махатан о том дне, когда открыл зятю секреты кузнечного дела, полученные от Аулэ.

Вот так: слухами, ложью и коварными советами – Мелькор разжег междоусобицу в народе Нолдоров. Благоденствию Валинора пришел конец. Феанор открыто роптал, грозился покинуть Валинор и увести Нолдоров из рабства в свободный внешний мир.

Тирион полнился слухами и глухим недовольством. Встревоженный Финвэ собрал родичей на Совет. Еще до начала Совета вышел вперед Финголфин и сказал:

– Отец! Ты владыка Нолдоров! Ужели не смиришь гордыню нашего брата? Не напрасно прозвали его Пламенным Духом, но это не дает ему права говорить так, будто он правит народом. Ты, отец, призывал Квэнди покинуть свои земли и отправиться за море. Ты вел Нолдоров к свету Эльдамара. Скажи, что ты не раскаиваешься в этом, и мы, твои сыновья, поклянемся в верности тебе.

В это время в зал Совета вошел Феанор. Сияющий доспех облекал его, у пояса висел длинный меч, а голову покрывал боевой шлем.

– Так я и знал, – зловеще произнес он, – мой сводный братец решил опередить меня и здесь! – С этими словами он обнажил меч и громко приказал Финголфину: – Прочь! Убирайся, и впредь знай свое место!

Финголфин даже не взглянул на брата, молча поклонился Финвэ и направился к выходу. Но у самых дверей Феанор заступил ему дорогу и, приставив к груди сверкающий меч, заносчиво сказал:

– Смотри, братец! Он поострее твоего языка. Если ты еще раз попробуешь возводить на меня напраслину перед отцом, клянусь, мой меч избавит Нолдоров от того, кто так жаждет править рабами!

Дом Финвэ стоял на площади под маяком, и многие собравшиеся слышали слова Феанора. Финголфин и тут ничего не ответил, молча прошел сквозь толпу и отправился искать младшего брата.

Валары не могли не заметить волнений, но подлинной причины не знали. Поэтому, раз Феанор первым возвысил голос против них, они сочли его зачинщиком, решив, что причиной послужила его надменность и своеволие, хотя и остальных Нолдоров обуяла гордыня. Манвэ был удручен, но до поры лишь молча наблюдал за происходящим. Ведь Эльдары сами пришли в земли Амана и вольны уйти, когда захотят. Если бы они решились на такую глупость, Валары не стали бы им препятствовать. Однако то, что произошло на Совете у Финвэ, не могло остаться безнаказанным. Слова и поступки Феанора возмутили и огорчили Валаров. Его призывали в Круг Судеб и потребовали ответа. Множество Нолдоров собралось вокруг. Феанор стоял перед Мандосом и отвечал на вопросы Валаров. Только здесь тайное стало явным, только теперь раскрылись козни Мелькора. Тулкас немедленно отправился за злодеем. Но какова бы ни была в происшедшем роль Мелькора, Феанор все равно оставался виновным в нарушении мира Валинора и в том, что осмелился поднять руку на брата. Мандос изрек:

– Ты говоришь о рабстве. Тогда и ты раб и будешь им везде. Манвэ – повелитель всей Арды, а не одного только Амана. Ты нарушил закон, так выслушай приговор: ты покинешь Тирион на двенадцать лет. Обратись к себе, вспомни, кто ты и как пришел сюда. По истечении двенадцати лет дело твое будет предано забвению, если обиженные тобой простят тебя.

Тогда сказал Финголфин:

– Я прощаю брату моему. – Но молча стоял Феанор перед Валарами. Потом он повернулся, покинул место Совета и ушел из Валмара. Его сопровождали сыновья. На севере Валинора, высоко в горах, возвели они гордый дворец-крепость Форменос. Там хранились их сокровища и оружие, там в глубокой кладовой, окованной металлом, заперты были Сильмариллы. Спустя время пришел к любимому сыну и Финвэ. Правление Нолдорами он передал Финголфину. Так ложь Мелькора обрела видимость правды, и случилось это по вине самого Феанора; раздор же, посеянный Мелькором, остался надолго и спустя многие годы все еще жил меж сыновьями Феанора и Финголфина.

* * *

Мелькор, узнав о том, что его намерения раскрыты, прикинулся облаком, медленно плывущим над горными вершинами, и так ускользнул от Тулкаса. Многим показалось, что Свет Дерев с тех пор померк, а тени вытянулись и потемнели.

Долго не показывался Мелькор в Валиноре. Даже вестей о нем не было слышно. Но однажды он неожиданно возник перед воротами горного дома Феанора и вызвал его для беседы. Используя весь свой ум и хитрость, заверял он гордого сына Финвэ в дружбе и убеждал бежать из-под власти Валаров.

– Видишь, насколько я был прав, – говорил он. – Тебя несправедливо изгнали, а Нолдорами правит Финголфин. Но если твой дух не утратил стремления к свободе, я готов помочь. Я могу унести тебя с этого маленького клочка земли. Разве перед тобой не Валар? Да, я такой же, как и те, кто восседает в Креслах Совета Валинора, разве что сильнее многих из них. Но я всегда был другом Нолдоров, самых умелых и доблестных на Арде.

Молча слушал Феанор речи Мелькора. Ожесточенный и оскорбленный изгнанием, он не мог решить: принять ли помощь Мелькора, довериться ли ему? А Мелькор, видя сомнения Феанора и зная, что он давно стал рабом Сильмариллов, решил подлить масла в огонь:

– Вижу, надежный оплот ты возвел. Только не надейся, что в пределах владений Валаров какая-нибудь сокровищница будет достаточно крепка, чтобы уберечь Сильмариллы!

Здесь Мелькор перестарался. Упоминание о Камнях разбудило дремавшее пламя. Феанор словно прожег взглядом прекрасную оболочку Мелькора, проник в его помыслы и узрел страстную жажду обладания Сильмариллами. В гневе проклял он Мелькора и выгнал вон, захлопнув ворота перед одним из самых могучих духов Эа.

И Мелькор с позором удалился. Отовсюду грозила ему опасность, не время было мстить, но черный огонь мести кипел в нем. Финвэ, узнав о случившемся, в великом страхе поспешил отправить гонцов в Валмар.

Гонцы застали Валаров в Креслах Совета. С беспокойством взирали Стихии Арды на удлинившиеся тени.

Едва прозвучали первые слова, Оромэ и Тулкас вскочили и собрались в погоню, но в это время прибыли вестники из Эльдамара. Они сообщили, что объявился Мелькор. С вершины Туны видели эльфы, как он разгневанным смерчем неся через Калакирию, а потом повернул на север. Тень его накрыла Альквалондэ и умчалась к границам Арамана.

Да, Мелькор покинул Благословенный Край. Валары напрасно ждали вестей о нем. Все было спокойно, и незамутненным светом сияли Два Древа. Но черная туча сомнений словно бы напозла с севера, и к радости обитателей Амана отныне примешивалась тревога и предчувствие близкой беды.

Глава VIII Затмение Валинора

Манвэ считал, что Мелькор укрылся в своих старых владениях на севере Среднеземья. Оромэ и Тулкас обыскали весь север от берегов Тэлери до ледяных пустошей, но не обнаружили даже следов Врага. Мелькор исчез. Валары усилили охрану северных границ, но и это решение пропало втуне, ибо на самом деле Мелькор, миновав земли Тэлери, повернул назад и незримо перенесся далеко на юг. Он все еще продолжал оставаться Валаром и мог менять облик и бродить невидимым, хотя недолго ему оставалось пользоваться этой способностью.

Так безвидным и прибыл Мелькор в мглистый Аватар. Далеко к югу от Эльдамара, у подножия Пелоров, тянулись мрачные берега этого темного, неизведанного края. Там между черным холодным морем и отвесными кручами гор лежали самые непроглядные тени в мире. Там, в Аватаре, никому неведомо, жила Унголианта.

Эльдары не знают, откуда она пришла в мир, но, говорят, задолго до того, как Мелькор поднял руку на владения Манвэ, она выступила из тьмы, окружающей Арду, а родом была из первых сильных духов, чью сущность искажил Мелькор. Унголианта не знала и знать не хотела никаких хозяев, никаких условий и договоров, ничто не существовало для нее, кроме собственного вождения, кроме жажды насытить свою пустоту. Когда Оромэ очищал север от всякой нечисти, Унголианта перебралась на юг, а потом прокралась обратно, к границам Благословенного Края. Больше всего в мире она ненавидела свет и одновременно больше всего жаждала света, как самой лакомой пищи.

В облике чудовищного паука жила она в горах, заплетая ущелья черной паутиной, улавливающей даже малую толику света. Им питалась Унголианта, извергая смрадную мглу, расплывшуюся вокруг ее логова. Давно сидела она здесь, все вокруг пропиталось ее тлетворными миазмами, и ни единый луч света не проникал сквозь них. Унголианта голодала.

И вот в Аватар явился Мелькор. Здесь он снова принял облик грозного, внушающего ужас Владыки Тьмы. Отныне и навеки облик этот стал его единственной и настоящей формой. Здесь, среди черных теней, непроницаемых даже для всевидящего Манвэ, Мелькор нашел Унголианту и посвятил в планы своей мести. Унголианта страшилась мощи Владык, но голод терзал ее невыносимо. Тогда Мелькор пообещал: «Если ты будешь послушна моей воле, я сумею унять твой голод. Сделай, как я велю, и, клянусь, ты получишь все, что будет в моих руках». Он легко клялся, этот Мелькор, легко, потому что смеялся над любой клятвой.

Унголианта согласилась. Она окутала себя и Мелькора в Ничто, потом стала быстро плести сеть, перебрасывая нити с утеса на утес, через пропасти и трещины, все выше и выше, пока не дотянулись они до вершины Хиарментира, высочайшей горы на всем юге.

Валары не интересовались этим бесплодным, позабытым краем, но если бы теперь они устремили взор на юг, то там, на далекой вершине, они заметили бы стоявших рядом Мелькора и Унголианту.

Перед ними расстилались леса Оромэ, западнее золотились высокой пшеницей поля Йаванны, а еще дальше к северу в дивном свете Телперииона и Лаурелина сверкали серебром дворцы Валмара. Расхохотался Мелькор, сорвался вниз и вихрем понесся на север. Рядом бесшумно струилась Унголианта, прикрывая их обоих завесой тьмы.

Мелькор остался верен себе и снова выбрал время праздника. Конечно, подвластны времена года могучим Валарам, конечно, не знает Благословенный Край мертвящей зимней стужи, но и Валары, и Майа, и Эльдары живут на Арде, маленьком царстве на просторах безграничной Эа, а жизнь Эа – это Время, вечно длящееся от первой ноты Музыки Айнуиров до последнего звука Великого Хора Илуватара. С тех пор как Валары приняли зримый облик, они старались походить на детей Эру: так же ели и пили, собирали плоды, выращенные Йаванной на земле, сотворенной ими по воле Единого.

Время цветения и сбора урожая установлено Йаванной. Когда поспевали первые плоды, Манвэ устраивал великое пиршество во славу Эру. Тогда все народы, населявшие Валинор, собирались на склонах Таниквэтил, пели и веселились.

И вот Манвэ повелел объявить, что предстоящий праздник будет особенно торжественным и пышным. Бегство Мелькора сулило в будущем многие труды и беды, никто не мог предвидеть, какие раны нанесут земле грядущие битвы и когда удастся сломить супостата. А пока Манвэ решил, не откладывая, исцелить Нолдоров от гордыни и распрей. Он пригласил всех собраться в чертогах Таниквэтил, чтобы покончить с враждой, разделившей славнейших среди Нолдоров, и предать забвению козни врага.

На праздник пришли Ваниары, Нолдоры и многие Майа. Валары являли подлинную красоту и величие. На зеленых склонах Таниквэтил было много песен и танцев. Опустели в тот день улицы Валмара, затихли лестницы Тириона, и земли покоились в мире. Только Тэлери распевали песни у себя на побережье. Их мало заботили времена года, они не думали о бремени Владык Арды и об угрозе, нависшей над Валинором.

К сожалению, Манвэ не удалось полностью осуществить свой замысел. Феанор пришел на праздник (ему единственному повелели прийти), но ни Финвэ, ни Нолдоры Форменоса не явились. Передавали слова Финвэ: «Пока Феанору запрещено появляться на Туне, я не считаю себя правителем и не хочу встречаться с моим народом». Феанор пришел, но пришел в повседневном платье, без украшений и без Сильмариллов, укрытых в железной кладовой Форменоса и от Валаров, и от Эльдаров. Перед тронном Манвэ он встретился с Финголфином и даже выказал ему на словах дружелюбие, а Финголфин поклялся забыть о мече, приставленном к его груди.

– Я держу обещание, – громко сказал он, – прощаю тебя и не помню обиды.

С этими словами Финголфин протянул руку. Феанор молча пожал ее, а Финголфин пылко воскликнул:

– Мы только наполовину братья по крови, но по духу я – твой истинный брат! Веди, я последую за тобой. Да не разделят нас впредь никакие обиды!

– Я слышал твое слово. Быть по сему, – сдержанно ответил Феанор. Никто тогда не предполагал, каким смыслом наполнятся вскоре его слова.

Говорят, это было в час слияния света Дерев. Тихий Валмар тонул в золотом и серебряном блеске, когда над Валинором, подобно тени от гонимой ветром черной тучи, пронеслись два зловещих силуэта – Унголианта и Мелькор. Они опустились у подножия Эзеллохара, и мгла Унголианты тотчас стала расползаться вокруг, сгущаясь у подножия Дерев. Мелькор вступил на холм и черным копьём пронзил оба Светлых Древа. Сок их заструился подобно крови из глубоких ран, и тяжелые светоносные капли упали наземь. Унголианта приникла к стволам, высосала соки, яд смерти проник в корни, ветви и крону, и на глазах Деревья иссохли и умерли. Но страшная тварь еще не насытилась. Она подползла к светящимся родникам Варды и выла-

кала их до дна. Она пила свет, а мгла вокруг становилась угольно-черной, и сама Унголианта росла и росла, пока не превратилась в исполинское чудовище, устрашившее даже Мелькора.

* * *

Великая тьма пала на Валинор. Элеммирэ из Ваниаров сложил песню о том дне, и все Эльдары знают ее. Но даже песне самого искусного певца не дано передать скорбь и отчаяние, охватившее Валинор, когда угас Дивный Свет. Тьма, пришедшая на смену ему, уже не была просто отсутствием света, теперь она стала одушевленной. Злоба создала эту Тьму из Света; она ослепляла, угнетала душу, тисками сжимала сердце и подавляла волю.

Варда с высоты Таниквэтил увидела огромную Тень: бастионами черноты высилась она над онемевшим Валмаром. Казалось, весь мир канул в пучину непроглядной ночи, и только вершина Горы последним оплотом стоит во мраке. Смолкли песни. Тишина окутала Валинор, только издали, сквозь брешь в Пелорах, ветер доносил плач Тэлери, похожий на крик чаек. С востока пахло холодом, а из морских далей начали подниматься, наплывая на берег, промозглые туманы.

Один только Манвэ пристально всматривался вдаль, и только его взор смог уловить далеко на севере быстро удалявшийся сгусток истинной Тьмы. Так понял Манвэ, что Мелькор приходил и ушел.

Валары снарядили погоню. Кони Оромэ сотрясали землю, снопы искр летели из-под копыт Нахара – они были единственными проблесками света в новой ночи Валинора. Грозным, неотвратимым возмездием мчались они, но, достигнув тьмы Унголианты, ослепли вдруг Валары, растерялись и сбились со следа. Смолк могучий глас Валаромы, Тулкас напрасно поражал копьем темноту вокруг, и его могучие руки наливались незнакомой усталостью. Наконец, Тьма отхлынула, но теперь нигде не было ни следа Мелькора.

Он отомстил и ушел, скрылся неизвестно где, затаился, и никто не знал – надолго ли.

Глава IX Исход Нолдоров

Непроглядная ночь окружала Круг Судеб. Валары сидели в Креслах Совета, и высоко в небе горели над ними чистые звезды Варды. Ветры Манвэ разогнали мертвящую мглу, развеяли промозглые морские туманы.

На темную вершину Эзеллохара поднялась Йаванна. Она возложила руки на стволы Дерев, но темными и мертвыми оставались стволы, она трогала ветви – ветви ломались и падали к ее ногам.

Велика была скорбь Валаров. Но еще не до дна осушили они чашу горя, поднесенную Мелькором.

Вот что сказала Йаванна Валарам:

– Свет Дерев погас и живет теперь только в Сильмариллах Феанора. Провидцем оказался сын Финвэ... Даже самым могучим из нас выпадает в жизни Час Творения. Он приходит лишь однажды и не повторяется на просторах Эа. Мне не создать Света Дерев вновь, но будь у меня хоть капля Света, я вернула бы их к жизни. Корни еще можно исцелить, раны затянутся, и зло Мелькора будет забыто.

Тогда зазвучал голос Манвэ:

– Феанор, сын Финвэ! Ты слышал слова Йаванны. Готов ли ты выполнить ее просьбу?

Тишина повисла над Кругом Судеб. Молчал Феанор. Пылкий Тулкас вскричал:

– Говори, о Нолдор! Да или нет? Кто откажет Йаванне? Разве не ею создан Свет, заключенный в Сильмариллах?

Аулэ-Мастер остановил его:

– Не спеши! Мы просим о большем, чем ты думаешь. Пусть решает сам.

Долго молчали все. Наконец, Феанор с горечью произнес:

– Не только могучим Валарам выпадает Час Творения. Для малых сих он тоже наступает однажды, и тогда они способны на дела, в которых успокаивается их сердце. Да, я могу отдать вам Сильмариллы, но никогда не сотворить мне подобных им. Чтобы вернуть Свет, придется разрушить Камни, но тогда погибну и я – первым из Эльдаров Амана.

– Нет, не первым, – подал голос Мандос, и многие удивленно посмотрели на него.

Снова стало тихо. Феанор напряженно думал. Ему казалось: он окружен врагами; вспоминались речи Мелькора о том, что Валары хотят завладеть чудесными Камнями. «Ведь и Мелькор Валар, – думал он, – разве не доступны ему их замыслы? Как видно, вор выдает вора!» И тогда вскричал он:

– Нет! Не отдам я по своей воле Сильмариллы! А если меня принудят – что ж, это только докажет, что и Мелькор из рода Валаров!

– Ты сказал, – бесстрастно произнес Мандос.

Ниэнна поднялась на вершину Эзеллохара, отбросила серый капюшон, и слезы полились у нее из глаз. Слезами смыла она грязь, оставленную Унголиантой. Плакала Ниэнна и пела о жестокости, пришедшей в мир, пела о прекрасной Арде, оскверненной злом.

Но беды злосчастливого дня еще не кончились. Плач Ниэнны звучал над Кругом Судеб, когда явились гонцы из Форменоса, неся новые страшные вести. Они поведали о том, как на северные земли хлынула тьма, в сердце тьмы крылась неведомая сила. Укрытый Тьмой, Мелькор подступил к дому Феанора. Он убил Финвэ, не отступившего перед темным ужасом, разрушил Форменос, опустошил сокровищницы и похитил Сильмариллы. Так в Благословенном Краю пролилась первая кровь.

При этих нестерпимых словах встал Феанор перед Манвэ и проклял Мелькора, впервые назвав его Морготом, Черным Врагом Мира. Он проклял день и час, когда откликнулся на призыв Манвэ и пришел сюда, на склоны Таниквэтил. Видно, в ослеплении подумалось Феанору, что, останься он в Форменосе, Сильмариллы удалось бы отстоять и предотвратить убийство. Выбежал Феанор из Круга Судеб и исчез в ночи. Дороже Света Валинора, дороже ненаглядных своих камней был для него отец...

Все собравшиеся разделяли горе Феанора. Йаванна плакала – на ее глазах гас во тьме Свет Валинора. Еще не полностью осознали Валары случившееся, ясно было лишь, что Мелькор призвал на помощь силу, пришедшую на Арду извне. Исчезли Сильмариллы, и теперь казалось неважным, как ответил Феанор на просьбу Йаванны. Но если бы он сказал «да» до прибытия гонцов, его собственная судьба была бы иной. Теперь же рок навис над народом Нолдоров.

Тем временем Моргот, уйдя от погони, явился в пустыне Арамана. Бесплодный этот край лежал далеко на севере, между Пелорами и Великим Морем. Холод сковывал здешние земли. Моргот и Унголианта вихрем пронеслись над туманами и льдами пролива, разделяющего Арамана и Среднеземье, и двинулись дальше на север. Моргот никак не мог избавиться от Унголианты. Опутанный ее тьмой, он чувствовал на себе пристальный немигающий взгляд множества глаз. Так они достигли залива Дренгист; неподалеку отсюда лежали развалины Ангбанда, давней твердыни Мелькора. Но Унголианту нелегко было провести. Она поняла, что соучастник пытается удрать, воспользовавшись знакомыми местами, и потребовала от Мелькора исполнения обещанного:

– Эй, злосердечный! Я исполнила твою просьбу. Но мой голод не утолен.

– Чего же ты хочешь?! – воскликнул Мелькор. – Неужели ты способна сожрать весь мир? Ну, так я не обещал скормить его тебе! Я ведь владею им.

– Мне и не надо так много, – ухмыльнулась Унголианта. – Отдай мне сокровища, прихваченные тобой в Форменосе, отдай сполна, как обещал.

Пришлось Морготу скормить ей сокровища Форменоса. С великой неохотой, по одному, отдавал он жемчуга и алмазы. Все пожирала ненасытная утроба. Унголианта росла как на дрожжах. Мрак, окружавший ее, становился все непроглядней, но не слабел мучительный голод.

– Не очень-то щедра твоя левая длань, – укорила она Мелькора. – Давай-ка теперь то, что в правой.

В правой руке Враг держал Сильмариллы. Даже заключенные в хрустальном ларце, они страшно жгли ему ладонь, но он терпел и ни за что не хотел отдавать чуда.

– Хватит с тебя! – надменно воскликнул он. – Ты свое получила. Если бы не моя сила, не видать бы тебе и этого. Ты не нужна мне больше. И не зарься на то, что у меня в руке. Оно навеки принадлежит мне, и только мне.

Мелькор не учел, что Унголианта уже переросла его самого, он же, наоборот, уменьшился, потеряв часть своей силы. И тут Унголианта бросилась на него, накрыла темной тучей и вмиг сдавила толстыми, как канат, плетями. В этот момент и исторг Мелькор вопль, отзвуки которого навсегда вросли в окрестные скалы. С тех пор край этот зовется Ламмот, и любой громкий звук пробуждает здесь странные стенания, полные ярости и муки. Страшен был вопль,

сотрясший горы, заставивший потрескаться землю. Далеко разнесся он окрест, достиг развалин Ангбанда и там, в развалинах, под которые не удосужились заглянуть когда-то Валары, его услышали барлоги, все это время ожидавшие возвращения хозяина. Крик пробудил их. Подобно огненным смерчам перенеслись они к месту жуткой схватки, багровыми мечами разрубили сети, опутавшие Мелькора, и обратили Унголианту в бегство. Выпустив огромное черное облако, помчалась Унголианта на юг, в Белерианд, и затаилась у подножия Эред Горгората, в темной долине, получившей позднее имя Нан-Дунгорфеб, Долина Жуткой Смерти. Еще когда Мелькор строил Ангбанд, долину эту населяла нечисть в паучьем обличье. Здесь и поселилась Унголианта. Она выбирала самцов, спаривалась с ними, а после пожирала. Спустя много лет, когда сама Унголианта затерялась в неведомых краях на юге, ее многочисленное потомство все еще населяло долину, плетя свои мерзкие сети. Ни одно предание не сохранило сведений о судьбе Унголианты, однако кое-кто полагает, что сгинула она давным-давно, сожрав в неутолимом голоде самое себя.

Да, Сильмариллы избежали участи сгнуться в ненасытном брюхе Унголианты, но оставались во власти Моргота. Теперь, на свободе, он собрал прежних своих слуг и вернулся на руины Ангбанда, заново отрыл обширные подземелья, выстроил стены, возвел над воротами угрюмую тройную башню Тангородрим. Отныне и навсегда вершины ее окутал клубящийся дым.

Стремительно множилось воинство зловещих тварей, демонов и орков. Так был затемнен Белерианд, и потому темна повесть тех лет. В Ангбанде выковал Моргот железную корону и провозгласил себя Королем Мира. Тяжела была корона и год от года все тяжелела, но Моргот никогда не снимал ее, ибо в ней сияли Сильмариллы. Руки Врага так навек и остались черными и обугленными. Ожоги не заживали, причиняя Морготу сильную боль и тем приводя его в ярость. Теперь он управлял своим воинством, не покидая подземелий. Только однажды вышел он из Ангбанда и только однажды взялся за оружие сам.

Поражение в Утумно поубавило его спесь, но зато прибавило ненависти. Теперь он упивался властью над многочисленными рабами, творя из них беспрекословные орудия злой воли. Величие и мощь Айнуров, изуродованные злобой, сделали его облик столь ужасным, что немногим из живущих дано было, не теряя разума, созерцать владыку Ангбанда.

Теперь и в Валиноре поняли, что Мелькору удалось скрыться. Погруженные в раздумья, в Круге Судеб сидели Валары, поодаль плакали Майа и Ваниары, а Нолдоры вернулись в Тирион, горько сетуя на темноту его молчаливых улиц. На склоны погруженной во мрак Калакирьи напозлали промозглые туманы, и тускло мерцал во тьме луч маяка Миндон.

Потом неожиданно явился Феанор. Он не избыл сроков изгнания, и его приход был прямым вызовом воле Валаров. Феанор призвал эльфов во дворец Финвэ на вершине Туны, и вскоре улицы, лестницы и даже окрестные склоны заполнила огромная толпа с факелами. Замечательным оратором был старший сын Финвэ. Речь его приковывала внимание и заставляла слушать даже тех, кто не был согласен с ее смыслом. Слова Феанора, сказанные в ту ночь, Нолдоры запомнили навсегда. Вдохновенно и страшно говорил Феанор, гордость и гнев звучали в раскатах его голоса, и Нолдоров, внимавших ему, охватывало то же безумие. Феанор обвинял Моргота в вероломстве и обличал ложь, посеянную Врагом, не замечая и не думая, что все происходящее и есть исполнение главного вражьего замысла. Он словно обезумел от гибели отца и потери Сильмариллов. Не признавая воли Валаров, Феанор требовал, чтобы Нолдоры избрали его вождем народа.

– Почему, о великий народ, – восклицал он, – почему мы должны служить замыслам алчных Валаров? Они не в состоянии оградить ни своих границ, ни нас, живущих на их земле, от козней Врага! Да, сейчас они тоже называют Мелькора врагом, но разве он – не один из них? Я уйду, чтобы отомстить, но я бы и без того не стал жить в одной земле с родичами убийцы моего отца и похитителя наших сокровищ! Среди народа отважных я – не единственный храбрец. Нолдоры! Вы лишились своего Короля, вы лишились исконных своих земель

и ничего не приобрели взамен. Мы словно в заточении живем на этой узкой полоске земли между морем и горами. Прежде здесь был Свет, в котором Валары отказали Среднеземью, но теперь тьма уничтожила разницу. Доколе будем мы прозябать в Амане – сумеречный народ под покровом мглы, – роняя напрасные слезы в равнодушное море? Что мешает нам вернуться домой? Сладки спокойные воды Куивизнен, чистые звезды сверкают над привольными землями нашей милой родины. Она ждет нас, глупых детей, оставивших мать. Я призываю вас вернуться, а слабые пусть остаются и охраняют этот город.

Долго еще говорил он, убеждая Нолдоров следовать за собой, обрести свободу, вернуться на восток и владеть землями, принадлежащими им по праву. Сам не замечая того, он вторил речам Мелькора, заявляя, что Валары обманом увели их на Запад, чтобы отдать Среднеземье Людям. Тогда многие Эльдары впервые услышали о Пришедших Следом.

– Да, дорога трудна, – говорил Феанор, – но конец ее будет радостным. Сбросьте оковы! Забудьте о слабости! Оставьте свои сокровища! Мы создадим еще большие. Идите налегке! Пусть только мечи отягощают ваши пояса. Мы пройдем дальше Оромэ и не прекратим погоню, как Тулкас, пусть нам придется идти хоть до края земли. Я объявляю Морготу войну, войну, которая кончится только с возвращением Сильмариллов. Тогда мы – и только мы – будем владеть непорочным Светом, и тогда Нолдоры станут первыми среди народов Арды.

И вот Феанор на клинке меча поклялся страшной клятвой. Сыновья, стоявшие рядом с отцом, повторили слова клятвы, и мечи их кроваво заблестели в свете факелов. Клятву, данную Феанором, нельзя нарушить, никто не в силах освободить от нее, потому что клялись они перед Илуватаром Вековечной Тьмой. В ослеплении безумия, призывая в свидетели Владыку Манвэ, и Варду, и священную вершину Таниквэтил, клялись они ненавидеть и преследовать любое существо, будь то Валар, демон, эльф или человек, еще не рожденный, будь то любое создание – великое или малое, доброе или злое, овладевшее Сильмариллами или только вознамерившееся овладеть ими. Так говорили князья Нолдоров: Маэдрос, Мэглор, Келегорм, Карафин, Карангир, Амрод и Амрос, а Нолдоры в ужасе внимали роковым словам. Все понимали, какой обет приняли безумцы. Теперь, независимо от исхода, не уйти им до конца мира от собственной страшной клятвы. Финголфин и его сын Тургон попытались образумить собравшихся, но тщетно. Дело опять чуть не дошло до мечей. Спокойный и рассудительный Финарфин пытался унять Нолдоров, призывая остановиться и подумать, пока не поздно. Ородреф поддержал отца, а Финрод – своего друга Тургона. Но Галадриэль, единственная женщина среди воинственных князей, напротив, поддержала Феанора и призывала Нолдоров выступить немедленно. Правда, клятвы она не давала, но слова о безграничных просторах Среднеземья, где можно править по своему усмотрению, глубоко запали ей в душу. О том же думал и Фингон, сын Финголфина, хотя и не жаловал он Феанора в последнее время. К нему, как обычно, присоединились Ангрод и Аэгнор, сыновья Финарфина, но им удалось сохранить спокойствие и подождать решения старших.

Долго спорили Нолдоры. Наконец, Феанору удалось убедить большую часть собравшихся и разжечь их воображение картинами новых земель. Когда Финарфин снова попытался уговорить Нолдоров не торопиться, в ответ ему понеслись крики: «Хватит! Не хотим! Идем скорее!», а Феанор с сыновьями призвали, не теряя времени, готовиться в поход.

Да, не отличались прозорливостью избравшие сомнительный путь. Феанор торопил Нолдоров, он опасался, что многие передумают и останутся. Как бы ни были горды его слова, он

не забывал о мощи Валаров и втайне страшился их гнева. Но из Валмара никто не приходил. Манвэ молчал. Он не считал себя вправе удерживать Нолдоров против их воли. Валары хотели для эльфов только добра и не могли действовать принуждением. Да и не верилось Владыкам, что вздорные слова Феанора отвратят сердца Нолдоров от Благословенного Края.

Отчасти они были правы. Стоило Феанору начать командовать подготовкой к походу, как пошли раздоры. Далеко не все Нолдоры согласились признать сына Финвэ правителем народа. Финголфин, как оказалось, пользовался куда большим уважением. И он, и его родичи, а с ними большая часть жителей Тириона не хотели подчиняться Феанору, хотя от участия в походе не отказывались. Так случилось, что Нолдоры выступили в путь двумя большими отрядами. Феанор со своими сторонниками шел впереди, а следом Финголфин вел другой большой отряд. Сам он не хотел идти, но еще больше претило ему оставлять народ на произвол Феанора. К тому же он не забыл своего обещания, данного перед тронем Манвэ. Неохотно уходил и Финарфин, но и его звали в дорогу те же причины, что и брата.

Уходили многие. Оставалась едва ли десятая часть народа Нолдоров. Никто не убоился неизвестного пути, просто одни остались из любви к Валарам, и в первую очередь к Аулэ, другие – потому, что не хотели покидать Тирион, где столь многое было создано их руками.

Но вот пропела труба. Из ворот Тириона вышел во главе отряда Феанор, вышел и был остановлен вестником. Звучным голосом гонец поведал слово Владыки Манвэ. Вот что услышали Нолдоры:

– Народ Нолдоров, поддавшийся глупым затеям Феанора! Выслушайте мой совет. Не уходите. Зол час, и путь ваш – к скорби. Не надейтесь на помощь Валаров – ее не будет, как не будет и помехи. По своей воле вы пришли сюда, так же можете и уйти. Ты же, Феанор, сын Финвэ, изгнан отныне собственной клятвой. Уходи. Но знай, что в гневе не распознал ты коварной лжи Мелькора. Ты говоришь: «Он – Валар», тогда напрасна клятва твоя, ибо никогда и нигде на Эа не одолеть тебе Валара, даже если Эру, имя которого ты помянул, утроит твои силы.

Рассмеялся Феанор, повернулся спиной к вестнику Манвэ и громко сказал:

– Вот, значит, как! Доблестным Нолдорам предлагают изгнать своего правителя и вернуться к оковам? Вот что скажу я тем, кто пойдет со мной. Вам предрекли скорбь? Так мы узнали ее здесь. В Амане мы пришли от счастья к горю, а теперь уходим от скорби к радости, и если не встретим радости на пути, то обретем хотя бы свободу.

Он повернулся к посланнику и воскликнул:

– Передай Манвэ, Верховному Владыке Арды: может, и не суждено Феанору одолеть Моргота, но он не станет сидеть, сложа руки, понапрасну расточая слезы. И еще скажи: кто знает? Может быть, Эру зажег во мне куда больший огонь, чем думает Повелитель. Я настигну Врага, где бы он ни был, и тогда даже Валары, сидящие в Круге Судеб, будут дивиться моему мщению. Посмотрим, что скажут они тогда. Я сказал. Прощай!

Столько властной силы было в голосе и словах Феанора, что вестник Манвэ невольно поклонился ему, словно получил достойный ответ, и ушел.

Феанор торопил отряд. Многие оглядывались назад, где в отдалении еще виднелись стройные башни Тириона, а уж эльфы Финголфина шли и вовсе неохотно. Во главе их шагал Фингол, а замыкали колонну Финарфин и Финрод. И они часто оглядывались на свой любимый город. Но вот уже и свет маяка затерялся в ночи. Эльфы шли, унося в памяти светлые годы Валинора.

Многие, вопреки советам Феанора, захватили кое-что из любимых вещей, надеясь найти в них утешение на долгом, многотрудном пути.

Феанор вел Нолдоров на север. Поначалу одно стремление владело им – настичь Моргота, и потому он шел туда, где земли Амана и Среднеземья разделял неширокий пролив. Когда первое возбуждение спало, Феанор задумался: как переправить отряд через море? Нужны

корабли, но будь даже Нолдоры искусными корабелями, строительство флота займет слишком много времени. Оставалось только одно: уговорить Тэлери присоединиться к походу и воспользоваться их кораблями. Тем самым Феанор намеревался умножить силы для предстоящей борьбы с Морготом и нанести ощутимый удар блаженным Валарам. И он повернул отряды к Альквалондэ. Придя туда, Феанор говорил перед Тэлери так же, как недавно в Тирионе. Однако Тэлери не тронули его ораторское мастерство и страстные речи. Они были опечалены уходом Нолдоров и, отказав в кораблях, принялись отговаривать друзей и сородичей восставать против воли Валаров. Тэлери не думали о других землях, кроме побережья Эльдамара, и не желали другого правителя, кроме Ольвэ. Ольвэ у себя в Альквалондэ не привечал Моргота, не слышал его коварных речей, он по-прежнему верил Владыкам Арды и не сомневался, что Ульмо и другие Валары сумеют залечить раны, нанесенные Врагом, и новый рассвет засияет над Благословенным Краем.

Феанор был разгневан неожиданным препятствием. В сердцах он крикнул Ольвэ:

– Мы в нужде! И именно сейчас ты рвешь узы старой дружбы. Когда твой народ пришел на эти берега, растерянный, не имевший ничего, разве Нолдоры не помогли вам? Разве не строили эту гавань, эти стены, эти дома вместе с вами?

Удивленный Ольвэ отвечал на это:

– Мы не хотим разрывать старой дружбы. Но если друг поступает опрометчиво, только враг будет потакать ему. Да, Нолдоры помогли Тэлери обосноваться на этих берегах, но тогда ты говорил по-другому и предлагал жить в землях Амана вечно, как братья, чьи дома стоят рядом. Ты говоришь, что Нолдоры дали нам все, но вот – корабли. Разве у вас учились мы строить их? Нашими учителями были Владыки Моря. Им обязаны мы нашими знаниями и умением. Корпуса кораблей из белого дерева сработаны нашими руками, их белые паруса сшиты руками наших жен и дочерей. Мы не можем отдать корабли, не можем и продать их. Они дороги нам, как Нолдорам их камни. Мы вложили в них свою душу, вряд ли нам удастся создать еще такой флот.

Феанор получил решительный отказ. Ему пришлось удалиться под стены Альквалондэ, и там он мрачно ожидал подхода основных сил своего отряда. Когда же вокруг собралось его воинство, он отдал безумный приказ, послав вооруженных Нолдоров силой захватить корабли. Однако Тэлери не собирались уступать, и вскоре на причалах, на стенах гавани и на палубах кораблей засверкали мечи. Трижды отбрасывали воинов Феанора от кораблей, но в это время подошли передовые отряды Финголфина и, не разобравшись, бросились в сражение, видя, как гибнут их родичи и друзья. К тому же по рядам прокатился слух, что Тэлери хотят силой помешать походу Нолдоров и действуют по приказу Валаров.

Нолдоры, встретив сопротивление, совсем обезумели, и Тэлери были разбиты. Множество моряков Альквалондэ погибли. Их оружие составляли только небольшие охотничьи луки, они не собирались сражаться и не думали о войне. Нолдоры поднялись на корабли и на веслах повели их вдоль берега на север. Ольвэ в отчаянии взывал к Оссэ, но тот не пришел, остановленный запретом Валаров, и теперь не желавших останавливать Нолдоров силой. Но никто не мог запретить Уинен оплакивать безвинно убитых мореходов из Альквалондэ. Так велика была скорбь Уинен, что море сначала грозно зашумело и нахмурилось, а потом в ярости обрушилось на братоубийц и разбило множество кораблей, поглотив всех, кто был на них. Так о сражении в Альквалондэ сказано в «Нолдоланте», Плаче о падении Нолдоров, сложенном Мэглором.

Буря кончилась, и уцелевшие Нолдоры продолжали путь. Они двигались вдоль берега, а по суше шли те, для кого не хватило места на кораблях. Долго шли они, и чем дальше, тем труднее становился путь во мраке. Так достигли отряды северных пределов Благословенного Края – холодных нагорий Арамана. Там на вершине одинокой скалы их ждала темная величественная фигура. По рядам Нолдоров прокатилось передаваемое шепотом имя Владыки Мандоса. Многие изменились в лице, когда холодные скалы вздрогнули от раскатов могучего и

мрачного голоса. Застыло воинство Нолдоров, и в тишине пали медленные тяжкие слова Проклятья. Они навеки остались в памяти народа как Северное Пророчество или Жребий Нолдоров. Много было предсказано в нем, но в то время Нолдоры не поняли большей части, и только спустя годы, когда на этот эльфийский народ обрушились тяжкие беды, смысл Проклятья дошел до них. Голос призывал мятежников остановиться, вернуться и просить прощения у Валаров, и это поняли все.

– Опомнитесь, безумцы! – гремело в горах. – Моря слез прольете вы, но ни единый звук ваших стенаний не достигнет Валинора. Вы теряете его навсегда. Гнев Валаров лежит на доме Феанора и падет на всякого, кто последует за ним. Ни Восток, ни Запад не скроют вас от Стихий Арды. Клятва, в ослеплении данная вами, будет вести и предавать вас, а сокровище, ради которого она дана, всегда будет ускользать из ваших рук. Все, что начиналось добром, окончится злом. Брат будет предавать брата, и страх предательства погубит вас. Изгоями станут Нолдоры навек.

Вы запятнали кровью земли Амана. Да падет она на ваши головы! Отныне и навсегда за пределами Амана Тень Смерти простирается над вами. Эру оградил вас от болезней и других напастей, вам не суждено умирать подобно Смертным, но оружие, пытки и скорбь над вами властны. Рано или поздно ваш бездомный дух придет в Чертоги Мандоса и восплачет по телу и не найдет ни тела, ни сочувствия, хотя бы все, погубленные вами, просили за вас. Участь тех, кого минует гибель в Среднеземье, будет еще горше. Им суждено смертельно устать от мира, истомиться от тяжкого бремени жизни и стать скорбными тенями в глазах юного народа, идущего вам на смену. Таково слово Валаров!

В смятение повергло многих услышанное. Только Феанор, отбросив страх, нашел в себе силы сказать:

– Мы не шутили, когда давали клятву, и мы ее сдержим. Многими бедами пугали нас, сулили и предательство, но никто не сказал, что нас погубит страх, что гибель нам принесет трусость. Мы пойдем вперед, и я говорю вам: дела наши будут воспеты в песнях, и память о них будет жива до последних дней Арды!

Горды были слова Феанора, но не всех убедили они продолжать поход. Ушел Финарфин, бывший в родстве с Домом Ольвэ, в гневе на Феанора и в великой печали от содеянного в Альквалондэ, и с ним ушли многие. На обратном пути их вел свет Миндона. Они пришли в Валмар, были прощены Валарами, и Финарфину доверили остатками народа Нолдоров в Благословенном Краю. Но его сыновья не последовали за ним, они не захотели расстаться с сынами Финголфина, чей отряд продолжал гибельный путь, влекомый волей Феанора и стыдом за пролитую кровь Тэлери. Отвага и гордость не позволяли Фингону и Тургону бросить начатое дело незаконченным, каким бы горьким ни был конец. Снова Нолдоры шли вперед, навстречу своей предсказанной судьбе, и вскоре она начала сбываться.

Нолдоры подошли к проливу, далеко на севере разделявшему земли Амана и Среднеземья. Огромные ледяные глыбы качались в стылых волнах, над водой висели густые туманы, и мгла дышала смертным холодом. До сих пор пролив пересекали только Валары, да еще Унголианта в своем бегстве с Мелькором.

Феанору пришлось остановить отряд. Холод и липкие туманы причиняли эльфам жестокие страдания. Даже лучи звезд не проникали сквозь морозную стынь. Среди эльфов то и дело раздавался ропот, слышались проклятья Феанору: его винули в бедах, постигших Эльдаров. Феанор советовался с сыновьями, но отыскал лишь два способа переправиться на тот берег: по льду или на судах. Стоило взглянуть на залив, и становилось ясно: пешком не пройти. Кораблей на всех не хватало, но никто не хотел остаться, подождать второго рейса – страх предательства уже поселился среди Нолдоров. И вот Феанор с сыновьями замыслил захватить корабли и отплыть внезапно с теми эльфами, которые находились на борту и были преданы Феанору. Тут,

словно по их зову, поднялся ветер, и корабли вышли в море, бросив Финголфина на берегу Арамана.

Пролив пересекли быстро и без потерь, и вот Феанор – первым из Нолдоров – снова вступил на берег Среднеземья. Высадились они в заливе Дренгист.

Вскоре к Феанору подошел его старший сын Маэдрос. Он беспокоился о друге своем Фингоне, оставшемся на том берегу, и спросил отца:

– Кто из гребцов поведет корабли назад и кого ты прикажешь привезти первым? Может быть, Фингона Храброго?

Феанор в ответ так расхохотался, что Маэдрос отступил на шаг.

– Никого! – вскричал Феанор. – Я не считаю потерей то, что осталось на том берегу. Они были недовольны мной, ну и пусть остаются со своим недовольством или возвращаются под руку Валаров! Корабли – сжечь!

Маэдрос молча отошел и долго стоял в стороне, глядя, как горят гордые белые корабли Тэлери. Перед ним гибли в огне прекраснейшие создания эльфийского народа. Морским волнам никогда уже не качать столь совершенных морских судов, ибо совершенство не часто приходит в мир.

Финголфин с отрядом видели зарево в той стороне, куда ушли корабли, и поняли: их предали. Так начало сбываться проклятие Мандоса.

Финголфину оставалось либо сгинуть в Арамане, либо со стыдом возвращаться в Валинор. Горько было у него на душе. Но теперь он, как никогда, хотел добраться до Среднеземья и повстречаться с Феанором. Эльфы долго шли вдоль берега, и чем труднее был путь, тем достойнее переносили они лишения.

Могучим народом были Старшие Дети Илуватара, тяготы земной юдоли еще не сломили их дух, юный огонь пылал в сердцах и вел вперед по жестоким морозным окраинам Севера. Впереди шли Финголфин, Финрод и Галадриэль. Когда не осталось иного пути, отряд вступил на вздыбленный лед пролива. Немногим из грядущих свершений Нолдоров дано было пре-взойти доблестью этот отчаянно тяжелый переход. Таяло воинство Финголфина, погибла жена Тургона Эленвэ, и все же эльфы вступили на берега Внешних Земель. Едва ли надо говорить, как мало любви к Феанору и его сыновьям осталось в сердцах тех, чьи трубы услышало Среднеземье при первом восходе Луны.

Глава X Синдары

Сказано, что в Среднеземье эльфийским народом правили Эльвэ и Мелиан. Эльвэ звался теперь Элу Тинголом, Королем Сребромантом. Его признавали владыкой и мореходы Кирдэна Корабела, и эльфы Белерианда, и охотники, живущие в Синих горах за Гелионом. Синдары звались они, Серые Эльфы Белерианда, и хотя происходили из Мориквэнди, но под властью Тингола и учительством Мелиан стали со временем искуснейшим и умнейшим народом Среднеземья.

В конце первого века заточения Мелькора, когда земли покоились в мире и благоденствии, а слава Валинора сияла над всей Ардой, пришла в мир Лучиэнь, единственное дитя Эльвэ и Мелиан. Обширные просторы Среднеземья были погружены в сон Йаванной, но в Белерианде, под руками Мелиан, жизнь была ключом, радость наполняла воздух, и ясные звезды серебристыми кострами горели высоко в небе. Осиянная их светом, в рощах Нелдорета родилась Лучиэнь. Навстречу ей, подобные земным звездам, тянулись невиданные раньше в этих краях белые цветы нифредила.

На втором веку пленения Мелькора через Синие горы пришли в Белерианд первые гномы. Сами себя они называли Казад, а Синдары прозвали их Наугримами, Низкорослым Народом; иногда их еще называли Гонхирримами, Повелителями Камня. Древнейшие поселения гномов лежали далеко на востоке, теперь же они создали прекрасные подземные города в отрогах Синих гор: Габилгатхол и Тумунзахар. Эльфы назвали Габилгатхол Белегостом, Великим Городом, а Тумунзахар – Ногродом, Пещерами Храбрых. Сами гномы столицей своей считали Казад-Дум, Подгорное Царство, на эльфийском языке – Хадходронт, позже, в Темные Годы, названный Морией. Эльфы только слышали о ней от гномов Синих гор – Мория лежала в Мглистых горах, за немереными лигами Эриадора.

Приход гномов несказанно удивил эльфов, ведь они полагали себя единственными жителями Среднеземья, владеющими речью и умеющими работать руками. Но каково же было их изумление, когда они ни слова не смогли понять из языка Наугримов. Звуки наречия гномов казались им слишком медленными, неприятными на слух, и мало кто из эльфов овладел этим языком. Зато гномы учились легко, предпочитали осваивать эльфийское наречие и не очень-то охотно обучали своему. Считанные эльфы бывали в Ногроде и Белегосте, разве что Эол из Нан Эльмута да его сын Маэглин, а вот гномы часто приходили в Белерианд и даже проложили широкий тракт. Он проходил под горой Долмед, вел вдоль реки Аскар и пересекал Гелион возле Каменистого Брода. Настоящей дружбы между двумя народами не получилось, но выгоды от общения были немалыми, и владыка Тингол привечал гномов.

По прошествии многих лет гномы подружились с Нолдорами, видно, потому, что и те и другие почитали Аулэ. Во всяком случае, превыше всех богатств гномы ценили самоцветы Нолдоров.

Немало прекрасного создано было и самими гномами в подгорных глубинах, ведь со времен Праотцев гномы владели искусством работы с металлом и камнем, хотя вначале предпочитали железо и медь, серебро и золото пошли в ход позже.

Мелиан, как и многие Майа, владела даром провидения. На исходе второго века заточения Мелькора она предупредила Эльвэ о скором окончании мирных лет. Тингол задумался. Если в Белерианд придет беда, надо построить укрепленный дворец. Эльвэ обратился за помощью к гномам Белегоста. Те охотно отозвались, ибо были юным народом и любили новые дела. Гномы никогда не работали бесплатно, однако это не мешало им получать удовольствие от своего труда. Но такой щедрой платы гномы и представить себе не могли. Пока они работали, Мелиан многому научила их, а Тингол одарил жемчугом, которого гномы не знали до той поры. Сам Тингол получал жемчуг от Кирдэна Корабела, – возле острова Балар были прекрасные жемчужные отмели. Жемчуг привел гномов в восторг. Одна из жемчужин величиной с голубиное яйцо сияла, как звездный свет на морской пене. Ее называли Нимфелос, и государь гномов Белегоста ценил ее выше груды сокровищ. Так что гномы трудились для Тингола долго и с удовольствием, пока, наконец, не возвели сказочный чертог, по обычаю своего народа скрытый глубоко под землей.

На границе Нелдорета и Региона, среди лесов, высится одинокая гора. У ее подножия протекает Эсгалдуин. Здесь и возвели гномы врата дворца Тингола. Ажурный каменный мост связал берега реки. Подойти к вратам можно только по нему. От ворот широкие галереи вели в многочисленные и обширные залы, высеченные в камне. Из-за них дворец и получил название Менегрот, Тысяча Пещер.

Эльфы трудились вместе с гномами. Каждый народ по-своему отразил слышанные от Мелиан рассказы о Валиноре Заморском. Колонны Менегрота были изваяны в виде буков Оромэ, с листвой и ветвями, залы освещались золотыми лампами. В кронах каменных деревьев, словно в садах Лориена, пели соловьи, в залах били фонтаны, и серебристые струи падали в мраморные бассейны, вырубленные в многоцветных полах. Изображения зверей и птиц покрывали стены и своды, выглядывали из крон каменных деревьев, сиявших цветами из самоцветов. Мелиан и ее девы украсили залы прекрасными гобеленами, рисунок которых заключал не только повесть о делах Валаров, но и всю историю Арды со дня творения. Несколько неясных тканых узоров повествовали о грядущем. К востоку от Моря не было дворца, способного соперничать с Менегротом.

После окончания строительства гномы по-прежнему посещали владения Эльвэ и Мелиан, но дальше на запад не ходили и к побережью не приближались никогда. Море им очень не нравилось.

Никакие известия из внешнего мира не смущали покой Белерианда. Но вот на третьем веку заточения Мелькора гномы начали проявлять беспокойство. Они отправили к Тинголу посольство и жаловались на то, что оставленные на севере со времен Великой Битвы корни зла дали всходы.

«Жуткое зверье появилось к востоку от гор, – говорили гномы, – ваши древние родичи покидают равнины и ищут укрытия в горах».

Вскоре лиходейские твари перевалами начали проникать и в Белерианд. Попадались волки, а может, оборотни в обличье волков, и прочая нечисть; попадались и орки, сначала немногочисленные и осторожные, разнюхивавшие пути в ожидании своего хозяина. Эльфы считали их одичавшими Авари и, надо сказать, не так уж сильно ошибались.

Пришлось Тинголу думать об оружии, в котором раньше не было нужды. Здесь очень пригодилось искусство Наугримов, особенно кузнецов из Ногрода. Гномы гордые и независимые, готовы были дать отпор любому обидчику, будь то слуги Моргота, Эльдары, Авари, дикие звери или даже их собственные сородичи из других мест, так что с оружием они были хорошо

знакомы. Вскоре и Синдары научились кузнечному делу, но ни Синдары, ни даже Нолдоры не смогли превзойти кузнецов Белегоста в плетении кольчуг и изготовлении доспехов.

Хорошо вооруженные, Синдары быстро изгнали со своих земель всякую нечисть, и снова настал мир и покой. Но теперь этот мир охранялся арсеналами Тингола, где запасено было достаточно всякого оружия. Копья, мечи, топоры, доспехи ослепительно сверкали: сталь, выкованная гномами, не ржавела. По прошествии времени все это весьма пригодилось Тинголу.

* * *

Как было сказано, века назад некий Ленвэ из народа Ольвэ увел часть Тэлери на юг, вниз по Андуину. Их стали называть Нандорами. О скитаниях Нандоров известно мало. Говорят, некоторые из них так и жили в лесистых поймах Великой Реки, другие дошли до ее устья и заселили побережье, а третьи, перевалив Белые горы, обживали пустоши Эриадора. Они не обрабатывали металл, не ведали оружия, поэтому, когда с севера в их края стали проникать всякие злодейские твари, Нандоры оказались беззащитными перед напастью. Денетор, сын Ленвэ, прослышав о мощи и величии Тингола, с трудом собрал свой бродячий народ и повел в Белерианд. Синдары с радостью встретили блудных родичей и отвели им для жительства изобильные земли Семиречья.

Мало сохранилось сведений о мирном времени в Белерианде после прихода Денетора. Говорят, именно в те годы менестрель Даэрон, умнейший в народе Тингола, изобрел руны. Гномы, навещавшие Белерианд, освоили их и радовались новому искусству больше самих Синдаров. Именно от гномов письменность распространилась среди других народов Среднеземья. Синдары больше полагались на память и до войны почти не пользовались рунами. Поэтому множество преданий погибло в развалинах Дориата. О тихих беспечальных днях обычно не говорят, пока они не кончаются. Так и прекрасные творения: они говорят сами за себя, пока существуют и радуют взор, а когда их уже нет, память о них остается лишь в песнях и не дает настоящего представления о том, что было.

В те дни эльфы свободно бродили в Белерианде под ясными звездами по берегам полноводных рек, заросших благоухающими ночными цветами. Летним полднем сияла красота Мелиан, и подобно весеннему рассвету цвела Лучиэнь. Король Тингол восседал на троне Белерианда, словно отдыхающий Майа, чья сила скрыта до поры, чья радость проста, как воздух, чьи думы спокойны, как реки на равнинах. Время от времени в Белерианд наезжал Оромэ, и тогда звуки Валаромы наполняли подзвездный мир, а стук копыт Нахара громом отдавался в холмах. Эльфы побаивались могучего Валара, хотя и знали, что при нем никакое лихо не нарушит покоя Белерианда.

Но уже клонился к вечеру долгий день Валинора. Из песен и преданий всем известно о том, как Мелькор убил Свет, вернулся в Среднеземье, схватился с Унголиантой; вопль врага предвестником гибели пронесся над Белериандом, заставив вздрогнуть населявшие его народы. Унголианта бежала с севера и, окутанная мраком ужаса, объявилась во владениях Короля Тингола. Власть Мелиан не допустила ее в Нелдорет, и страшная тварь поселилась в ущельях южных склонов Дортониона. С тех пор здешние горы получили название Эред Горгорат, горы Ужаса. Никто не осмеливался посещать эти мрачные места: свет там был тускл, а воды отравлены. Моргот вернулся в Ангбанд, и вскоре к небу вознеслись жуткие дымные башни Тангородрима. От ворот Вражьей Крепости до ворот Менегрота было всего лишь сто пятьдесят лиг...

Орки, во множестве расплодившиеся в подземельях, становились все сильнее и злее. Темный Владыка наделил их дикой жадной к разрушению и убийству. Скоро под покровом туч, насланных Морготом, полчища орков из Ангбанда заняли северные нагорья и оттуда неожиданно вторглись в пределы Белерианда. В обширном королевстве Тингола эльфы в ту

пору вольно селились в лесах и долинах и жили обособленно, небольшими общинами и родами. Только возле Менегрота да в краю мореходов обитали многочисленные народы. Орки обошли Менегрот с двух сторон и отрезали его от Эглареста. Тингол отправил гонцов к Денетору, и вскоре из Семиречья подошел большой вооруженный отряд. Он принял бой с орочьим войском, положив начало Войнам Белерианда. Восточная орда была окружена и разбита на полпути между Аросом и Гелионом. Немногие уцелевшие орки бежали на север и там погибли под топорами гномов, вышедших из-под горы Долмед. Едва ли кто-нибудь из лиходеев возвратился в Ангбанд. Правда, первая победа досталась эльфам недешево. Воины Денетора уступали оркам в вооружении, и сам он пал, не дождавшись подхода основных сил Короля Тингола, жестоко отомстившего за его гибель. Народ Денетора горько оплакивал потерю правителя, и с тех пор никто не мог заменить его. Сражение устрало Нандоров. Они стали очень осторожны, теперь их звали Лаиквэнди, Зеленые Эльфы, из-за одежд, прекрасно маскировавших их среди листвы. Однако многие Нандоры подались на север, примкнули к войскам Тингола и смешались с его народом.

Возвратившись после победы в Менегрот, Тингол узнал о тяжелом поражении на западе, где отряды Кирдэна были разбиты и оттеснены к самому побережью. Тингол призвал к себе всех свободных эльфов. Мелиан оградила земли Нелдорета и Региона чарами так, что никто не мог проникнуть сквозь незримую стену против воли ее и Тингола. Отсюда возникло название Дориат, Огражденное Королевство, или Закрытые Земли. Под защитой Пояса Мелиан установился настороженный мир, окруженный со всех сторон страхом и опасностями. Орки хозяйничали в Среднеземье, и только укрепленные гавани Фаласа оставались свободными.

Скоро должны были грянуть события, которых не предвидел никто. О них не подозревали ни Моргот в своих мрачных подземельях, ни Мелиан в Менегроте.

После гибели Светоносных Дерев вести с Запада перестали приходить. Не было ни вестника, ни видения, ни сна. В это настороженное время Феанор пересек Море, и белые корабли Тэлери причалили в заливе Дренгист, чтобы затем погибнуть в огне.

Глава XI О солнце, о луне и о том, как был скрыт Валинор

Сказано, что после бегства Мелькора долго сидели Валары в Кругу Судеб. Да, они пребывали в неподвижности, но напрасно Феанор упрекал Валаров в бездействии, ибо они творят охотнее мыслью, чем руками, и для разговора не нужны им звуки речи. Бодрствовали в ночи Валинора Стихии Арды, и мысль их то уносилась вспять, за пределы Эа, то далеко вперед, прозревая Конец Мира, но ничто: ни сила, ни мудрость, ни знание о злодеяниях Мелькора – не могло утолить их печали. Не столько гибель Дерев вызвала их скорбь, сколько крушение духа Феанора, одного из лучших Детей Илуватара, отмеченного более других отвагой и стойкостью, умом и красотой, силой и мастерством. Именно в падении Феанора видели Валары одно из самых злых дел Мелькора. Ярче и неистовее билось в душе Феанора негасимое пламя Творца. Только Манвэ представлял, какими дивными творениями мог бы прославить Арду Феанор. Может, оттого и плакал Владыка Манвэ, когда услышал от вестников ответ Феанора. Так говорили Ваниары, бывшие тогда вместе с Валарами. И еще говорили они: когда Феанор предсказал, что дела Нолдоров вечно будут жить в песнях, поднял голову Манвэ, будто услышал голос, не слышный никому более, и произнес:

– Быть посему! Сколько бы ни пришлось заплатить им за эти песни, пусть не считают, что переплатили. Истинно говорил нам Эру: «Только та красота, которую постигнут сердца Детей Моих, сможет жить на Арде, а Зло пребудет там и без этого».

– И злом останется, – добавил молчаливый Мандос, а после закончил: – Скоро Феанор придет ко мне.

Когда стало окончательно ясно, что Нолдоры покинули Аман и вернулись в Среднеземье, Валары занялись исправлением бед, причиненных Мелькором. Манвэ просил Йаванну и Ниэнну исцелить Деревья. Но ни слезы Ниэнны, ни заклинательные песни Йаванны не могли вернуть их к жизни. Уже начал прерываться голос Йаванны и гасла последняя надежда, когда на безлистой ветви Телперииона раскрылся вдруг единственный огромный цветок, а на Лаурелине зазолотился единственный плод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.